

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы

Рейнхольд Эггерс

КОЛЬДИЦ

ЗАПИСКИ КАПИТАНА ОХРАНЫ

1940–1945

Рейнхольд Эггерс
**Кольдиц. Записки
капитана охраны. 1940–1945**

«Центрполиграф»

Эггерс Р.

Кольдиц. Записки капитана охраны. 1940–1945 / Р. Эггерс —
«Центрполиграф»,

Кольдиц – старинный замок, в котором расположился один из первых лагерей для военнопленных на территории Германии. В нем содержались офицеры, противники гитлеровского режима: британцы, голландцы, поляки и французы. Автор книги, капитан охраны, рассказывает о каждодневном изнурительном противостоянии администрации и узников.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Рейнхольд Эггерс Кольдиц. Записки капитана охраны. 1940–1945

Предисловие

Кольдиц стал самым известным из немецких лагерей для военнопленных главным образом благодаря многочисленным публикациям и кинофильму о подвигах, поистине выдающихся и уникальных, его обитателей. Все эти книги написаны с точки зрения заключенных, но никто еще не рассказывал историю Кольдица с той, другой стороны.

Я служил в Кольдице с ноября 1940 года до того момента, как замок пал под натиском союзников за несколько дней до окончания войны. Сначала дежурным офицером, позже офицером охраны. Это, вкупе со знанием английского и французского языков, дало прекрасную возможность знать о том, что там происходило. Какими скудными порой оказывались подобные сведения, станет очевидным из истории, которую я расскажу. Многие тайны и исход некоторых попыток побега стали мне ясны только после прочтения ряда отчетов о событиях в Кольдице, опубликованных в Англии и Франции. Думаю, мой рассказ будет интересен и для бывших узников Кольдица.

Данная книга представляет собой главным образом хронологическое изложение событий в Кольдице, как видели их я и мои сослуживцы. Только изредка упоминаются здесь внешние события в Германии и общий ход войны. Иногда о них приходится говорить, поскольку они имели влияние на взаимоотношения между личным составом лагеря и пленными. То же справедливо и для политической идеологии; среди заключенных витали и антинемецкие и антифашистские настроения, иногда некоторые сотрудники лагеря были с ними солидарны. Моя же собственная точка зрения объясняется опытом, восходящим еще к Первой мировой войне.

Одно непоколебимое убеждение, с которым я вернулся домой после окончания сражений, заключалось в том, что народы Европы *должны* отказаться от самоуничтожения и научиться сотрудничать ради собственного же выживания. С этой целью, в промежутке между войнами, как только это стало возможным, я завел друзей в Англии, Франции и Швейцарии. Мы приглашали их к себе домой, а я, в свою очередь, делал ответные визиты. В частности, одно время с несколькими своими учениками я жил в Челтенхеме, а учащиеся местной классической школы приезжали по обмену туда, где преподавал я. В те времена поездки были дешевы: 120 марок за месячное пребывание, включая переезд, меньше десяти фунтов стерлингов. Подобные визиты оказались крайне успешными.

Но наступил 1933 год. Шестеро моих коллег по школе донесли на меня. Дело дошло до нацистского комиссара, ответственного за чистку гражданской службы и избавление от антипартийных сотрудников. Я был обвинен в пацифизме, приверженности к левым и интернационализму. Последовали анкеты, тяжелые беседы, но, поскольку я не принадлежал ни к какой политической партии, меня лишь перевели с должности учителя классической школы в школу местного совета и наложили запрет на дальнейшее продвижение по службе. Высшие инстанции захлопнули открытые двери нашего дома перед нашими друзьями. Визиты из-за границы прекратились. Но я был не тот человек, которого можно было бы завлечь в партию против его воли. Если бы случилось самое худшее и я потерял работу, я бы стал работать на земле, пятью акрами которой владел в то время, и жил на доходы от своего хозяйства.

В 1939 году началась Вторая мировая война. Те, кто донес на меня, остались дома. Моих сыновей призвали. Старый Свет продолжал свое дальнейшее падение. Как мы могли привет-

ствовать партию и ее лидера – мы, кто прошел через одну бесплодную войну и по-прежнему был верен чувству чести, долга и приличия? Разумеется, начнутся призывы, это мы знали. Как и другие офицеры запаса, я с тревогой ожидал своего часа.

Довольно странно, что, будучи обвиненным в интернационализме, я провел большую часть войны в столь исключительно «интернационалистском» месте, как Кольдиц. Там содержались пленные всех наций (за исключением народов, населявших Советский Союз). Мы все были европейцами.

Многие моменты пришлось опустить, но я попытался избежать искажения существенных фактов. Подобные комментарии, разумеется, выражают мои личные взгляды. В самом Кольдице, теперь расположенном в восточной части Германии, городской музей хранит (я бы мог сказать «мою») коллекцию материала по побегам, документы и фотографии, служившие для тренировки нашей службы охраны. Я предлагаю эту книгу в надежде, что она достойна места на полке рядом с английскими и французскими источниками (исследованиями, свидетельствами, воспоминаниями и так далее).

Глава 1

Обучение легкому способу

Новоприбывшие – всегда дополнительные хлопоты. Во дворе, окруженном древними стенами замка, мы обыскивали их и их вещевые мешки. Иногда мы находили деньги, ключи, географические карты и гражданскую одежду – всю контрабанду опытного беглеца, – но многое, должно быть, оставалось незамеченным.

Заключенные сокрушенно наблюдали за нашими стараниями; позже, когда мы запирали их в помещении, они с издевкой смотрели на нас сквозь решетки и проволоку.

Последние тюремщики новоприбывших радовались перспективе разделаться с этими смутьянами, но боялись потерять некоторых из них по дороге. Не можем ли мы принять их на более ранней возможной точке, часто спрашивали нас, или, по крайней мере, не согласимся ли мы выслать подкрепление для конвоирования заключенных в месте их пересадки с главной железнодорожной линии? В замок отправляли согласно заведенному порядку тщательно охраняемых пленными группами по десять, двадцать, иногда больше человек. Путешествие обычно занимало два-три дня. Их сопровождало столько же или даже больше конвоиров. Но, несмотря на это, пленным все же удавалось бежать.

Одних ловили быстро, другие надолго пропадали на оккупированных территориях, третьи умудрялись прорваться в нейтральную страну. Некоторые попадали домой. С другой стороны, многие исчезали навсегда, и о них никогда больше не слышали – возможно, они стали безымянными жертвами войны.

При полной готовности выполнять свой долг всегда и везде мы понимали, что должны решать проблемы по мере их поступления, иначе пленные в некотором смысле вообще могли лишиться нас возможности их разрешения! Пусть лагерь военнопленных такой-то и такой-то доставит своих подопечных к нашим дверям, а лучше прямо во двор. Тогда-то мы официально и примем их, и никак не раньше.

Два охранника из замка встречали группу на станции и ради проформы сопровождали по городу. По восточному берегу реки над городом высились массивные здания. Все знали, что там находился офицерский особый лагерь для военнопленных номер 4С, единственный в своем роде на тот период.

Четверть часа ходьбы от станции, и группа была уже во дворе, конвоирующий их офицер, как правило, извещал о том, что тот или иной пленный бежал по дороге. Мы сочувствовали. Но этому особо никто не удивлялся.

Ведь это был Кольдиц, и сюда направлялись «неудобные» для германского Верховного командования люди, многие из них уже не раз сбегали из плена. Именно поэтому их и посылали к нам.

Это были умные, энергичные, сытые и хорошо одетые, благодаря посылкам из дома, люди. И в Кольдице им предоставлялось то, в чем они нуждались превыше всего для планирования побегов, – время. Не подлежащие принудительным работам, пленные офицеры располагали временем (правда, вряд ли чем-либо еще), чтобы занять себя по собственному усмотрению. Навязчивая идея побега превратилась для теоретиков в профессию беглеца.

Мы удерживали их в замке винтовками, штыками и пулеметами, улавливали прожекторами каждое движение, а с помощью микрофонов следили за самыми опасными. Мы обыскивали их днем и ночью, по отдельности и группами. Мы пропускали через цензуру их почту, книги и посылки, проверяли на переключках, по фотографиям и отпечаткам пальцев. И тем не менее они убегали.

В Кольдице, где за годы войны с 1940-го и далее выросло ядро таких характеров, дел было у нас предостаточно. Мы, представители «державшей в плену державы», брали у этих людей уроки по теории побега – уроки, которые по долгу службы вынуждены были прерывать. Этих людей мы награждали соответствующим наказанием и злобным восхищением.

Нередко нам казалось, что мы добились полного контроля над узниками, как ОКБ бросало новую горсть «тузов» в ряды пленных. Немало времени требовалось, чтобы суметь побить соответствующим козырем этих людей. Как часто мы думали, что все карты в игре побега в наших руках, но время от времени новая партия заключенных кардинально меняла ситуацию. Хотя мы и стали коварней, но подчас гораздо сообразительнее нас оказывался узник!

Более четырех лет я был неотъемлемой частью первого препятствия, которое должен был преодолеть беглец Кольдица. Но если кому-то не удавалось прорваться, вслед за ним неизменно появлялся другой, более ловкий и умный. Сейф, полагали мы, заперт на два оборота и обмотан проволокой, слышащей, видящей и бьющей током, с минимальными возможностями доступа, под пристальнейшим контролем, на который мы только были способны. Иногда у меня находился один из ключей, иногда все ключи, и все же довольно часто пленный ускользал из сейфа, благополучно миновав меня с моими ключами и хитроумными комбинациями.

Кольдиц был трудной задачей, с какой стороны ни смотреть. Но мое знакомство с военнопленными оказалось несколько иным.

В мае 1940 года меня призвали в резервный батальон пехотного полка в звании лейтенанта. В то время, и это вполне естественно, боевой дух по всей Германии был очень высок. Два блицкрига добились Польшу и Францию, Россия оказалась нашим союзником по договору, а Соединенные Штаты Америки, сохраняя нейтралитет, оставались в стороне. В конце концов, а не был ли Гитлер и в самом деле гением, каковым себя считал?

Вернувшись в армию, я обнаружил, что за двадцать лет ничего особенного не изменилось. Муштра, магазины, курение, выпивка и извечная скука. Но пища офицеров теперь готовилась на той же кухне, что и для рядовых. Все мы имели одинаковые пайки. Заметил я и другую удивительную вещь, принесшую мне немало радости – в частности, холодность между вермахтом и партией. Мы несли службу под контролем местных начальников, но не больше.

Тем временем в то первое лето войны отпуск был хорошим.

К концу лета мы все получили назначение. Одни офицеры отправились в 404-ю дивизию в Польшу. Другие во Францию. Тогда мне было уже больше пятидесяти, и благодаря знанию языков я считался специалистом. А потому судьба выбрала для меня особую миссию. В августе меня отослали на курсы переводчиков в Дрезден, а в сентябре я отправился в Хонштайн в Саксонию в качестве переводчика в штат офлага¹ номер 4А.

До сих пор все складывалось хорошо. Если бы я только знал, что проведенное мною время в Хонштайне отнюдь не было истинным посвящением в преисподнюю (лучшего слова не придумаешь) жизни военнопленных, где ведущей темой были атаки на власти, а контрапунктами – контратаки на нас, ответственных за охрану. В качестве тренировочного курса для Кольдица этот первый опыт оказался печальным. Жизнь – игра, где правила соблюдаются или нарушаются по велению долга или с учетом целесообразности, но в жизни, как и в спорте, для тех, кто хочет выдержать курс, обучение должно быть тяжелым, а для желающих преуспеть на ее пути и финише – еще тяжелее.

На войне и тела и души должны быть словно влиты в единую форму, из которой льют и физические и интеллектуальные орудия успеха. Ковка этих орудий является делом специалистов по физической тренировке, технической тренировке и тренировке морального духа – три составляющих в достижении единой цели. Но в Хонштайне мы жили поистине припеваючи. Место это было, прямо сказать, непьющее. Между комендатурой, личным составом и

¹ *Офлаг* (Oflag) – офицерский лагерь военнопленных (нем.) (Примеч. пер.).

пленными не имелось никаких конфликтов, ни физических, ни психологических. Казалось, в содержании заключенных не было вообще никаких проблем. А потому никто из нас не чувствовал, что нуждался или мог нуждаться в обучении.

Хонштайн расположен в Саксонии, «маленькой Швейцарии», где текут потоки горной воды сквозь откосы из песчаника к Эльбе. Весь район казался мне таким спокойным и очаровательным, что я искренне полагал, будто бог войны по случайности просто о нем позабыл. Все доставляло удовольствие, даже сослуживцы!

Наша комендатура располагалась на окраине леса. Город был похож на любой другой летний курорт, чистый и опрятный, большей частью состоящий из домиков для гостей и небольших «пансионов». Недалеко в верхней части долины Поленц располагалась гостиница, чуть подальше лежал Рате на Эльбе, известный фестивалями Карла Мея.

Личный состав, отвечающий за лагерь военнопленных, пусть и случайно подобранный, оказался хорошим. Лагерь занимал довольно обширную территорию высоко над городом, на плато, окруженном утесами и доступном только с одной стороны – по одной-единственной дороге.

Наш комендант был семидесятидвухлетним генерал-лейтенантом. В течение Первой мировой войны он командовал вюртембергским полком. В конце четвертого десятка генерал вышел в отставку и остался в Вюртемберге преподавать военное дело, к которому проявлял немалый интерес. Нередко он до поздней ночи отпечатывал тезисы и статьи и по своему излюбленному предмету всегда держал себя и своих подчиненных в курсе дела. Генерал видел все: военный и политический подъем и падение кайзеров, республики, политиков, гибель бесчисленных солдат с конца XIX до конца первой трети XX века. Теперешняя война, весь политический фон, на котором она разворачивалась, представлялись ему лишь как очередная фаза, которая для его отчужденного глаза могла обернуться хорошо или плохо. Но будь то к лучшему или к худшему, он знал и то и другое и был подготовлен соответственно. Путеводной звездой его жизни был долг, и по нему он прокладывал свой курс и держал его, как бы ни менялись ветра.

Обращение генерала, когда с моим прибытием наконец-то штат был укомплектован, звучало примерно так: «Я очень счастлив впервые с 1918 года иметь под своим командованием штат, который знает, что значит мир и война. Я хочу, чтобы вы, выполняя свой долг в этом лагере, и далее придерживались той независимости мысли и действия, которым, должно быть, научились в жизни. Свою роль мне бы хотелось ограничить только серьезными делами. Адъютант будет следить за тем, чтобы вы получали столько увольнений, сколько вам положено. Никаких магазинов во время перерывов на обеды, прошу вас. Мы будем устраивать вечеринки в столовой раз в неделю, и вы можете играть в карты и выпивать. Но никаких азартных игр. А чтобы держать умы занятыми, каждый из вас напишет оценку какой-нибудь фазы Наполеоновских войн, как они повлияли на королевство Саксонии. Все книги найдете в Дрездене. Итак, лагерь в ваших руках. Я не собираюсь подниматься сюда по служебным делам. Когда я буду посещать это место, это должно считаться событием».

Пленными в Хонштайне главным образом были французские офицеры: в ранге до полковника примерно сотня плюс 28 генералов. А также 7 голландских и 27 польских генералов и их ординарцы различных национальностей. Они оценили подход нашего генерала. Все очень корректно, хлопот у нас практически не было. Каждые две недели заключенные устраивали развлечения, и комендант, регулярно принимая приглашение, отмечал данное событие собственным визитом. В такие вечера в качестве своего вклада мы ставили вино для всех.

В Хонштайне попытка побега случилась только раз. Два голландских офицера спустились по утесу на пожарном шланге, но их быстро поймали. Старший французский офицер, старший по продолжительности службы, был полковником. Мы дали ему пишущую машинку под честное слово, и он усердно трудился над «Причинами разгрома Франции». Он приписал все марк-

систскому коммунизму и последующему провалу французской парламентской власти, с вытекающими отсюда несовершенствами в обучении и снаряжении вооруженных сил. Из времени, проведенного мною в этом лагере, я помню всего лишь один пустяковый инцидент, который вызывает у меня неприятные воспоминания, хотя он, разумеется, никогда не сравнится с тем, что вскоре начало происходить в Кольдице.

Голландские беглецы были переведены в другой лагерь, и на обыске перед их отъездом мы нашли список всех заключенных в Хонштайне, с именем, рангом, домашним адресом и военными характеристиками. Комендант приказал конфисковать список, хотя и после некоторых колебаний. Мы в службе охраны были уверены в существовании второго списка, но генерал категорически отказался разрешить личный обыск. «Я не допущу превышений в выполнении нашего долга», – настаивал он.

Все мы были немного шокированы его позицией. Позже, в Кольдице, я изумлялся, как долго это длилось! Сомневаюсь, чтобы там генерал мог удерживать пленных под контролем, просто полагаясь на свой ранг и уважение, которое он мог бы потребовать к себе как старый солдат. Это было вполне естественно для немцев, испытывавших прирожденный благоговейный страх перед «старым солдатом», и для большинства иностранцев его возраста и профессии. Но среди узников Кольдица таковых было немного.

Генерал был великим семьянином. Сыновья его достигли высоких званий в люфтваффе. Кроме того, он оказался и ярким садовником и с теплотой истинной хозяйки говорил о своем доме и о домах, построенных им для своих детей и внуков. Он испытывал глубочайшее уважение к простым людям и всегда был готов выслушать что-нибудь новое: совет по садоводству, подсказку по хозяйству, новый способ вколачивания интересов в головы детей. Все одиннадцать лет в армии и всю свою гражданскую жизнь я считал уникальным его подход, быстроту понимания и, как следствие, контроль над людьми. Никогда больше мне не доводилось встречать человека, и я должен повторить это еще раз, столь же уважаемого всеми: и теми, с кем он знакомился случайно, и теми, над кем он властвовал. Он был одним из лучших представителей нашей немецкой «старой школы».

За нашим столом не было политики. Партия стояла у власти, а армия реабилитировалась. О большем мы не задумывались.

В ту осень жизнь текла очень приятно. В качестве моего индивидуального исследования комендант выбрал осаду Дрездена в 1813 году и битвы при Кульме и Ноллендорфе. Здесь французы и пруссаки под командованием генерала фон Клейста сражались так яростно, что битва приостановилась лишь на ночь, и никто не знал, кто выиграл или кто оставил больше своих людей на поле брани! Поэтому они провели ночь вместе вокруг больших костров, договорившись не сражаться до рассвета. Только когда взошло солнце, выяснилось, чьим пленником кто оказался и что француз отстывает!

Ничто не нарушало нашей мирной рутины – никаких «хлопот» вообще. Мы управляли лагерем в Хонштайне, стараясь следовать Женевской конвенции так тесно, как того требовали ее не очень детальные положения. Данное соглашение было подписано в июле 1929 года и ратифицировано Гитлером в 1934 году. Оно регулировало посещения так называемой державы-протектора, которая делала все возможное для гарантии соблюдения конвенции и гуманности. В этом качестве швейцарцы следили за британцами и сторонниками Шарля де Голля, а позже американцами. Петеновское правительство присматривало за французами. Голландцы находились под опекой шведского государства. Поляки же попали под защиту Международного Красного Креста, потому что, как мы утверждали, польского государства вообще больше не существовало.

Личные отношения между немцами и пленными в Хонштайне в 1940 году казались больше чем просто корректные, позже я вспоминал о наличии в них, по моему мнению, некой «старомодной» вежливости. Например, каждый день я брал часовые уроки языка у одного из

французских полковников. Голландский генерал учил меня голландскому языку, который я нашел довольно легким, поскольку говорю на нижненемецком диалекте.

С польскими офицерами отношения складывались труднее, хотя в официальных делах мы ладили довольно сносно. Однажды пришел приказ, позволяющий ежедневную двухчасовую прогулку вне лагерной зоны для всех заключенных, за исключением поляков. Данное исключение объяснялось тем, что кампания в Польше не велась гражданским населением согласно правилам войны, а потому польские узники не должны были получать уступки любого рода. Хотя наш комендант взял на себя труд лично представить им эти доводы, поляки, естественно, пришли в ярость от подобных гонений, каковыми они сочли сложившуюся ситуацию. Намек на то, что они, польская армия, должны страдать за дела польского народа, они отвергли как *Quatsch*² или нонсенс. В других отношениях они были на равном положении со всеми заключенными.

Все это, разумеется, было слишком хорошо, чтобы длиться вечно, но конец наступил довольно неожиданно. В октябре 1940 года я сопровождал двух французских офицеров в Страсбург для освобождения. Один был диабетиком, другой – школьным учителем, требуемым Парижем. По пути мы оставили письма от нашего генерала в отеле в Констанце, где он часто останавливался. Страсбург выглядел почти обыкновенно. Мосты через Рейн, правда, были по-прежнему опущены. Я заметил сожженную синагогу, множество домов, помеченных «конфисковано», но в остальном серьезного ущерба причинено не было.

Оба офицера расстались со мной со словами благодарности за хорошее обращение, и по дороге назад я на пару дней увольнения остановился в Галле. В тот вечер в городе объявили воздушную тревогу, поезда не шли, и, несмотря на снежную бурю и минусовую температуру, мне пришлось больше часа идти домой пешком.

Когда я вернулся в Хонштайн в последний день месяца, лагерь оказался пуст. Всех заключенных перевели в иные места, и гитлерюгенд³ готовил это место для пострадавших от бомбежек детей Гамбурга и Берлина. Ходили слухи, будто самых старших офицеров освободят от службы. Комендант отправился в общий резерв.

Одному за другим нам приходили назначения. Я ожидал следующего поворота судьбы. 22 ноября 1940 года пришел и мой приказ. Мне надлежало прибыть в Кольдиц – небольшой городок между Лейпцигом и Дрезденом. Это звучало интересно – «офицерский особый лагерь для военнопленных». Что это за место? Что в нем особенного? Я знал, каковы были пленные, я знал, как с ними обращаться. С лихвой изучив жизнь узников, я знал о взаимоотношениях личный состав – заключенный. Я думал, что знал все.

² Вздор, чепуха (нем.).

³ Гитлерюгенд (Hitlerjugend) – молодежная организация в фашистской Германии (нем.).

Глава 2

Обучение трудному способу

В сочельник 1940 года начался мороз и всю ночь шел сильный снег. На следующее утро во внутреннем дворе замка Кольдиц ходящие по кругу заключенные месили снег под ногами. Тогда в лагере содержалось около шестидесяти польских офицеров, дюжина бельгийцев, пятьдесят французов и тридцать британцев плюс, разумеется, их ординарцы – всего не более двух сотен человек. Все были классифицированы нашими властями как «неугодные»: одни из-за своих политических взглядов, другие за свою ненависть ко всему немецкому, но большинство за попытки побега из других лагерей. По другую сторону этого «интернационала» стоял немецкий личный состав, включавший коменданта и примерно десять – пятнадцать других офицеров плюс полдюжины военнослужащих унтер-офицерского состава и караульную роту – около ста пятидесяти человек одновременно, – естественно, с их собственными унтер-офицерами и командиром. До сих пор, хотя я находился здесь только месяц, я не нашел ничего необычного в этом так называемом зондерлагере, или особом лагере. Пока попыток побега не предпринималось. Заключенные казались несколько менее дисциплинированными по сравнению с Хонштайном, где я служил ранее, но, несомненно, и они скоро уgomонятся и постараются хоть как-то скоротать свое время, пока идет своим чередом война.

Сам замок Кольдиц оказался непривлекательным сооружением, доминирующим над маленьким городком Кольдиц, лежащим по обе стороны реки Мульде в Верхней Саксонии. Очень грубо корпуса образовывали два внутренних двора, соприкасающихся друг с другом. Внутренний двор заключенных содержал в себе постройки, восходящие еще к самым ранним дням существования замка, который строился, часто перестраивался и дополнялся с тех самых пор, как впервые появился в письменной истории, в 1014 году. Сначала он являлся охотничьим домиком королей Саксонии. В XVI веке принадлежал датской принцессе Анне, которая в 1583 году вышла замуж за курфюрста Саксонии. Именно она разбила небольшой виноградник на склонах долины к северу от замка, выходящей на реку. С 1603-го по 1622 год в замке жила дочь курфюрста Бранденбургского, давшая свое имя Софиенплац площади города. В Тридцатилетней войне Саксония заняла сторону протестантов. Сначала в 1634 году Кольдиц разграбили имперские войска, затем его захватили шведы и обустроились в замке на несколько лет. Шведские войска снова очутились там в 1706 году в ходе войны с Россией.

В качестве резиденции для герцогов Саксонии Кольдиц перестал использоваться после 1753 года. В тюрьму замок превратился в 1800 году. С 1828 года это место стало психиатрической лечебницей и именно в этом качестве, по моему мнению, и существовало в период с 1940-го по 1945 год! Концентрационный лагерь явился следующим поворотом в его судьбе в 1933 году, а после этого на год он превратился в Arbeitsdienstlager⁴ для гитлерюгенда⁵.

С октября 1939 года замок функционировал в качестве лагеря военнопленных для польских офицеров. Летом 1940 года их сменили бельгийские офицеры. Последние, в свою очередь, подписав общее обязательство не участвовать в боевых действиях, после блицкрига были большей частью освобождены. Обнаружив на своих руках почти пустой лагерь, ОКБ решило учредить зондерлагерь, или «*Lager mit besonderer Bewachung*» — специальный лагерь с жестким

⁴ Лагерь военизированной трудовой повинности в фашистской Германии (нем.).

⁵ Сегодня замок частью больница, частью дом для престарелых. Городской музей хранит то, что считается наиболее поразительной коллекцией предметов и фотографий материалов побега, использованных военнопленными офицерами армии союзников в течение Второй мировой войны. После войны эту коллекцию перенесли сюда из нашего «музея побегов» в замке. В День вооруженных сил мы открывали его двери для публики, а также обучали в нем новоприбывших всех рангов трудному ремеслу противостояния данному виду изобретательности. (Примеч. авт.)

надзором за его обитателями, что позволяла статья 48 Женевской конвенции, но без потери иных личных прав, гарантируемых данным соглашением. Здесь было принято большее количество обысков, переключек и так далее, чем в обычных лагерях, и места было намного меньше – всего лишь внутренний двор в сорок квадратных ярдов, никакого открытого пространства, за исключением парка снаружи, который разрешалось посещать хоть и ежедневно, но в строго определенное время, с некоторым ограничением и под пристальным надзором.

На первый взгляд можно было подумать, что место это неприступно. Вероятно, так оно и было, но, за исключением решеток на окнах, оно не строилось для того, чтобы содержать столько людей в неволе. По мере того как шло время, я понял, что тогда как Кольдиц, как и множество других замков, может быть, и был неприступен снаружи, он явно не был «неприступен» изнутри. Прорваться наружу было намного легче, чем прорваться вовнутрь!

Наши административные здания располагались в новом дворе XVIII века, включая помещения комендатуры, склады и так далее. Во внутренний двор существовало два входа: один через главные ворота и другой со стороны парка. Пленные приходили только через одни ворота, с примыкающей к ним гауптвахтой. Проход между двумя дворами находился на северо-западном краю нашего двора под так называемой аркой вдоль подъездного дворика к гауптвахте. Оттуда напрямиком через дверь в больших двойных воротах можно было попасть в то, что я до сих пор называл двором заключенных, в противоположность нашему двору. Почва вокруг всего замка уходила вниз террасами. На западе раскинулся город, а на северной и восточной сторонах парк. Южная сторона двора пленных одновременно являлась северной стороной нашего. На своей половине мы занимали нижние этажи – на их половине имелись кухни и так далее. Но на этом отрезке выше нижнего этажа комнаты шли только в один ряд. Все комнаты находились в нашем пользовании, но на юго-восточном краю помещения заключенных примыкали к нашим, а на другом конце этого «стыка» на наш внутренний двор выходили комнаты, в которых содержались старшие офицеры союзников. Заключенные постоянно использовали эти точки пересечения и перекрещивания в целях побега. Несомненно, более неподходящего места для содержания узников нигде больше нельзя было найти. Предпринимались попытки побега, и многие удались: по крышам, под фундаментом, через стены, сквозь решетки, я бы сказал, примерно раз в десять дней в течение более четырех лет, тех, что я пробыл в этом лагере. Подробности некоторых побегов я узнал лишь спустя десять лет после окончания войны, прочитав о них в тех или иных книгах, написанных французскими и британскими заключенными. Но даже сегодня способы ряда этих побегов по-прежнему известны мне не полностью.

Рождество 1940 года прошло в напряжении и неопределенности. Германия выиграла первые два раунда войны против Польши и Франции одним нокаутом. Противостояние с Англией окончилось ничьей. Теперь на западе был тупик. Мне казалось странным, что при такой ситуации существующая пропаганда с нашей стороны уже нуждалась в афишах «нет капитуляции» – вряд ли подобные разговоры можно было бы счесть победными. Германия и Англия обменивались бомбами. Внутренние фронты теперь стали частью поля боя, почти единственным полем боя, за исключением, пожалуй, Атлантики. Наши национал-социалисты все держали под контролем. Никто не мечтал о войне на два фронта. Мы получали миллионы тонн зерна из России, так что никто не голодал, кроме того, через нее шли всевозможные поставки из Японии и Америки.

Поскольку мое увольнение приходилось на Новый год, это свое первое Рождество среди заключенных я провел на службе. Мне было интересно посмотреть, как они его проведут. Французы и поляки, разумеется, давно уже установили письменно-почтовый контакт с родиной. Британские каналы по-прежнему оставались несколько неорганизованными, но их первые посылки с провиантом прибыли в начале декабря, от британского Красного Креста. В пище в то Рождество недостатка не было ни во дворе заключенных, ни в примыкающем к нему нашем,

внутреннем, дворе. В обоих было и вино, и пиво – мы распределили их среди пленных, а крепких напитков им не дали.

Развлечения организовали поляки. Они устроили великолепное представление марионеток с музыкальным аккомпанементом и переведенными на другие языки пояснениями. Гвоздем программы явилась «Белоснежка и семь гномов». После этого последовала некая аллегория польской истории, в заключение которой солдаты возвращались в Польшу после окончательной победы точно так же, как в 1918 году, чтобы восстановить свою независимость. Их национальный гимн, марш Домбровского, повествует как раз об этом.

Думаю, в конце этого, 1940 года польские офицеры могли похвастаться самым высоким «боевым духом», хотя и находились в наших руках более пятнадцати месяцев. Французы оставались по-прежнему мрачными после своего поражения. Англичане окопались – по крайней мере, так я думал. Под полом столовой (если бы мы только знали!) и не окапывались, а выкапывались! Не только за свой национальный успех пили они на второй день Рождества – по одной бутылке вина на троих – в этой самой столовой. Они надеялись на местную победу – победу в столовой, где начали рыть туннель, работа над которым к тому времени уже велась полным ходом.

Сами мы отметили Рождество в гостинице в лесу. В своих дополнительных пайках все получили фунт настоящих кофейных зерен – последний раз за много лет, когда я пил кофе. В то Рождество в офлаге 4С было так тихо, что я не могу припомнить ничего столь же важного, как это!

После того как я вернулся из увольнения, пленные русские офицеры, расквартированные в городе, отметили свое ортодоксальное (православное) Рождество. Было это 11 января. Из Дрездена прибыл их священник. Там уже много лет существовала белогвардейская русская коммуна. На воскресные мессы он привозил с собой хор. Все эти русские были из армии Врангеля – белогвардейцы, осевшие главным образом во Франции в двадцатые годы или в Югославии и принявшие соответствующее гражданство. В хоре имелось несколько хорошеньких певиц, и один русский офицер, имевший французское гражданство, заявил, что влюбился в одну из них. Они официально обручились. Девушка помогла ему бежать; и на этом их знакомство закончилось. Офицер благополучно добрался до Франции, а она очутилась в тюрьме. Это было моим первым уроком по двуличности военнопленных!

Оглядываясь назад, я едва узнаю себя таким, каким я был в Кольдице в новом, 1941 году. Довольно сложно различить что-либо вообще в моей собственной личности с другой стороны сокрушительных событий этого фатального года и всего, что последовало после того, как Адольф Гитлер, наконец, вовлек в боевые действия Россию, Японию и Соединенные Штаты и развязал тотальную войну, которую так долго проповедовал. Тогда я по-прежнему судил о происходящих событиях с точки зрения опыта войны 1914–1918 годов и интернационалистической точки зрения, которой придерживался все эти годы. Но вскоре мне, словно ищейке, уже пришлось опустить нос к земле и вынюхивать следы побегов, по которым я и следовал с тех пор все последующие четыре года без передышки.

Мое досье свидетельствует о том, что более трехсот потенциальных беглецов были пойманы с поличным, причем нередко снова и снова пытались бежать одни и те же люди. Примерно в 130 случаях беглецы действительно выбирались из замка или убежали при перевозках. Количество тех, кому удавалось перебраться через границу и никогда больше не быть пойманными, насколько я помню, составляло тридцать человек: шесть голландцев, четырнадцать французов, девять британцев и один поляк. До 1944 года за охрану отвечал не я, но до тех пор, разумеется, должен был всегда сообщать о том, что знал, мог найти или мог разработать, нашей лагерной администрации.

Мы проводили совещания по безопасности, и как только происходил побег, и по крайней мере каждую неделю в качестве общепринятой практики. Практически каждый рутинный

случай оказывался случаем побега, и так или иначе каждый побег был случаем сам по себе. Но я требую к себе некоторого уважения: ведь я был частью команды, пусть очень дилетантской команды, признаю, немецких «державших в плену» сил, но команды, чьи неуклюжие старания оказывались тем не менее столь успешны, что экспертам приходилось устраивать абсолютные шедевры побега, чтобы нас превзойти.

Арена для этой битвы между двумя системами безопасности, немецкой и союзнической, в некотором роде оказалась выгодна для заключенных. Военнопленные были, в первую очередь, довольно опытны в этом деле. Кроме того, наши руки некоторым образом связывали наши не очень практичные начальники в штабе командования армией в Дрездене и, выше, в Берлине. Мы сами играли на руку пленным, заполняя Кольдиц новым материалом для бегства неделю за неделей. Каждый новоприбывший привозил с собой знание новых методов побега, знакомство со свежими дорогами, знание дополнительно требуемых документов, систем проверок, которые возможны на железнодорожных узлах в поездах, и так далее. В этом замке пленные располагали инициативой и своими внутренними линиями коммуникаций. Нашего наличного состава, действительно наличного, едва набралась бы дюжина, тогда как их команда достигала нескольких сотен.

Как только в британском помещении сняли декорации после представления «Двенадцатой ночи», сразу же началось сражение на холодном фронте. Наш комендант решился на новогодний визит в комнаты пленных. Это было 9 января, по-прежнему морозило. В короткие зимние дни солнце проникало во внутренний двор узников не раньше десяти часов, но даже тогда многие были рады жить в каменном здании, а не в деревянных бараках, вечно сырых и холодных. В то утро во дворе гуляли немногие. Я вошел вместе с комендантом и прокричал: «Achtung!» («Внимание!»). Хожение по кругу на мгновение прекратилось. Это муштра. Все взглянули в сторону полковника, он отдал честь, и круг двинулся снова.

Мы отправились в кухню, где колдовал британский офицер, капитан Барри. Свою официальную работу по приготовлению пищи он выполнял очень хорошо – свою неофициальную (использование кухни в целях побега) еще лучше. Именно через окна внешней стены кухни, выходящие на немецкий внутренний двор, четыре британских офицера убежали в 1942 году (об этом я узнал почти пятнадцать лет спустя).

Оттуда мы снова вернулись во двор и поднялись по винтовой лестнице в юго-восточном углу. На втором этаже располагались польские офицеры. «Achtung!» – прокричал я. Большинство пленных лежали на своих кроватях, читали, курили, думали. При виде нас все медленно, с неохотой, поднялись. Все, за исключением лейтенанта Северта, оставшегося в своей постели. Я записал его имя. На вечернем построении за неспособность признавать вышестоящее должностное лицо я зачитал приговор коменданта о пятидневном аресте. Подобное наказание было обычным для офицеров германской армии, и все военнопленные подлежали нашему собственному *Militarstrafgesetzbuch*⁶. Приговор также зачитали французским, бельгийским и британским группам на их родном языке. В те времена мы все были очень официальны. На пленных же данный дисциплинарный акт не произвел никакого впечатления – иногда в камерах оказывалось теплее!

Позже, забегая вперед на несколько месяцев, когда лагерь заполнился, узники сами просились в камеры, чтобы «уйти от всего этого». Я говорил им, что мы не можем устраивать им сеансы лечения покоем, идет война. Впрочем, провести несколько дней под арестом для них не составляло особого труда. Им нужно было только написать оскорбительные вещи о нас в своих письмах домой или опоздать на построение. Подобное всегда стоило нескольких дней наказания. Разумеется, арест в конце концов превратился скорее в сущий фарс. Я же был

⁶ Военно-уголовный кодекс (нем.).

не против запереть под замок людей, совершивших дисциплинарные проступки. Иногда это шло им на пользу – их психология требовала коротких периодов одиночества. У пленных есть свои навязчивые идеи. Мы ведь не хотели, чтобы они сошли с ума. Но камеры вскоре начали использовать как средство взяточничества и коррупции караула, как средство побега. Некоторые даже симулировали умопомешательство в надежде на бегство в ходе поездок на лечение. Все время мы балансировали между безопасностью и гуманностью – хотя многие, читая эти строки, вероятно, закатят глаза.

Итак, пятидневный арест ничего не значил для поляков, и стоило мне распустить пленных, как соотечественники бросились к своему товарищу, принялись жать ему руку, обнимать его и в конце, встав кругом, несколько раз подбросили его в воздух, ловя на лету, как делают поляки с теми, кого одобряют.

Минуту я спорил с польским капитаном: «Если вы хотите, чтобы мы обращались с вами корректно, в соответствии с Женевской конвенцией, вы тоже должны вести себя соответствующим образом».

Но он разбил все мои аргументы: «Вы, немцы, не применяете Женевскую конвенцию к нам. Вы говорите, что Польша как страна больше не существует. Вы даже не позволяете нам иметь свою державу-протектора, которая следила бы за соблюдением наших интересов как военнопленных. Швейцарцы посещают британцев каждые три месяца. О французах заботится их Комитет Скапини, у них есть правительство, которое вы признаете, хотя оно и петеновское. Голландцы находятся под присмотром шведского государства. Но мы, поляки, ничьи».

Я понял, что все это они уже продумали заранее и собирались устроить из этого скандал. Разумеется, неделю спустя тот же инцидент повторился опять. И снова Северт попал «под арест». Когда это же произошло в третий раз, он отправился на военный суд в Лейпциг. Мы назначили ему местного адвоката: человека из города, бывшего в английском военном плену во время Первой мировой войны. Он утверждал, что с ним хорошо обращались, и всегда хотел сделать что-то в качестве благодарности.

Должным образом обвинение в Лейпциге потребовало сурового наказания. Вот поляк, представитель, как говорили, недисциплинированной и дикой расы, намеренно оскорбляющий вышестоящее должностное лицо. Остальным необходимо преподать урок. Со своей стороны защита настаивала, что заключенный не понимал значения слова «achtung». Получив год тюрьмы, он подал апелляцию. Генерал-полковник фон Бек, командующий нашей армией резерва, удовлетворил апелляцию, и лейтенант Северт вернулся в Кольдиц свободным человеком. Каков же был энтузиазм среди всех пленных в лагере! Старший польский офицер, адмирал Унруг, в Первую мировую войну командовавший немецкой подводной лодкой в германском военно-морском флоте, выдвинул протест против оскорблений польского народа, произнесенных в суде. Напрасно наш комендант старался опротестовать вердикт апелляции. Его вмешательство только все усугубило: в результате отдавание чести в Кольдице между немцами и военнопленными практически прекратилось до тех пор, пока наш прославленный доктор не попытался восстановить данную практику год спустя. Единственными случаями, когда нам отдавали честь, являлись ежедневные построения или переклички. В других случаях офицеры, самое большее, медленно вставали, когда мы входили в их помещение, или с неохотой вынимали руки из карманов или трубки изо рта, когда мы заговаривали с ними. В их помещение мы заходили не часто, а говорить по возможности старались только со старшими офицерами различных национальных групп и через их официальных переводчиков. Но из-за этого инцидента мы потеряли свой престиж.

Решение суда в 1941 году очень усложнило положение дел в Кольдице. Оно стало не только упреком коменданту, раньше приказывавшему записывать и наказывать нарушителей в деле по отдаванию чести, но и выявило расхождения во мнениях среди нас, четырех немцев, которые в качестве лагерных офицеров (или дежурных офицеров) находились в постоянном

контакте с пленными. Мы присутствовали на ежедневных построениях, устраивали (проводили) обыски, отбирали бесчисленные просьбы, «инспектировали» занимаемое ими помещение и так далее. Нашим делом было наметить стандарт дисциплины, делом коменданта – его установить.

К сожалению, и у нас четверых бытовали двойные стандарты. В то время я был ЛО-3 (лагерным офицером 3). ЛО-1 являл собой энергичную и яркую личность. Он любил сражения, любил жизнь, слыл большим шутником, не гнушался выпить и, по мнению англичан, единственный обладал чувством юмора. Иногда он называл их «и так далее». На построениях он объявлял французов, бельгийцев, голландцев, поляков «*und so weiter*»⁷. Однажды британцы устроили эстрадное представление в театре с группой «*Und so weiter*». Этот офицер не очень беспокоился о дисциплине, в жестком военном смысле этого слова. Как и я, он был школьным учителем и думал, что знает, как обращаться с лагерными «плохими мальчиками».

ЛО-2 был капитаном кавалерии, взрывался при малейшей провокации, как очень скоро обнаружили пленные, и буквально синел в эти минуты. Он страдал от смертельно высокого кровяного давления. В отношениях со своими подопечными ЛО-2 признавал только жестокость и насилие.

Что же касается меня, ЛО-3, то я не был за мир во что бы то ни стало, но скорее снова ощущал себя в положении школьного учителя, справляющегося с непослушными школярами. Я знал, что главной целью непокорного класса всегда было вызвать у обладающего властью лица гнев, каковы бы ни были последствия. Кроме того, я понимал, что, если выйду из себя, проиграю сражение. Однажды я сказал старшему британскому офицеру: «Я никогда не дам вам, джентльменам чести, вывести меня из равновесия. Корректное поведение в рамках конвенции или нашего собственного дисциплинарного кодекса – вот мой курс. Обо всем, что ваши офицеры сделают с целью оскорбления меня, я доложу. Что случится потом, не мое дело». Невероятно, но все эти четыре года меня без конца провоцировали горячие офицерские головы всех национальностей, возрастов и званий. Снова и снова я начинал свирепеть, но тут же брал себя в руки. Нелегко терпеть откровенную наглость, но немой вызов иногда бывает стерпеть еще труднее.

ЛО-4 придерживался примерно того же мнения, но нас четверых отнюдь нельзя было назвать согласованной командой.

Я не солгу, если скажу, что, по крайней мере, в Кольдице не было времени скучать. Поработав, мы уловили некую систему, но эту систему мы навязали себе сами, хотя, по всем правилам, скорее должны были бы задавать тон, нежели следовать ему. Заключенные играли с нами в извечную чехарду. Сначала лидирующее положение занимали мы со своими запретами и заграждениями, потом они, сообразив, как их обойти. Все, что военнопленные делали, говорили или думали, было нацелено на то, чтобы получить преимущество либо немедленное, либо через какой-то промежуток времени.

Если, как результат побега или попытки побега, мы изменяли свою политику и предпринимаемые нами меры или вводили какой-нибудь новый план, они улавливали суть быстрее, чем наши люди, которые, в конце концов, имели и другие дела, кроме часов дежурства в замке. Большинство же пленных находились «на дежурстве» все время; другой жизни у них не было.

Еще одна трудность в поддержании безопасности касалась нашего основного лагерного штата, в частности унтер-офицерского состава. Чем дольше они оставались в замке, тем лучше узнавали пленных и их приемы. И тем больше увязали во взяточничестве (сигареты, шоколад или кофе); между персоналом и узниками возникали фамильярные, приятельские отношения. Другим слабым местом являлось неудобство, которое любой немец низшего звания чувствует в общении с офицерами любой национальности. А если мы заменяли этих унтер-офицеров дру-

⁷ И так далее (нем.).

гими, новоприбывшими на их место, требовались месяцы, чтобы обучиться секретам ремесла, а в течение этого времени пленные успевали извлечь всю возможную выгоду из этого ведения.

Все военнослужащие унтер-офицерского состава в Кольдице имели прозвища, о чем они знали, и это их забавляло. Так, у нас был Карапуз – человек невысокого роста, о которых часто говорят «от горшка два вершка» (*Dreikäsehoch*); Полицейский; Гайавата, который скорее воображал из себя бог весть что, пока однажды не обнаружил, что его товарища звали Миннегагой; Большая Задница; Тетушка; Квартирмейстер – он служил в Кольдице до самого конца; Хорек (по-французски Fouine) – известный среди англичан как Диксон Хоук – очень опытный в разнюхивании туннелей; Муссолини – наш фельдфебель, отвечающий за ординарцев, – старый солдат еще Первой мировой, который ненавидел всех офицеров, даже своих собственных!

На этих людей и, разумеется, общую массу караульных не могли не произвести впечатления активная жизнь замка и выходы, которые периодически выкидывали пленные. Но больше всего их поражали успехи в побеге, которых тем удавалось достичь. Все это отражалось на нас, их офицерах, выставляемых некомпетентными и беспомощными.

В феврале 1941 года лагерь начал заполняться. Пара сотен французских офицеров прибыла под командованием генерала Лё Блэ, не скрывавшего своей неприязни ко всему «boche»⁸. В марте нам доставили шестьдесят голландских офицеров. Многие из них были полукровками, прибывшими из Ост-Индии. Это были образцовые военнопленные. У них не было своих ординарцев, но они сами убрали свои помещения. Их дисциплина была непогрешима, их поведение на построении примерным, и из него, как мы увидим далее, они сумели извлечь некоторую пользу. Кроме того, они всегда опрятно и элегантно одевались. Поляки вели себя похожим образом, хотя и не могли похвастаться наличием бритвенных туалетных приборов (несессеров) для придания своей внешности должной опрятности и изящества.

Но французы и англичане! На построение они являлись в пижамах, не брились, шлепали в сабо и тапочках, курили, читали книги, одевали то, что первое попадалось им под руку, когда они вставали с постели, – просто напрашивались на то, чтобы их подняли на смех. Они настаивали на разграничении «построений» и обычных переключек, как, например, на день рождения короля: в этот день они появились неузнаваемо подтянутыми. Очень быстро мы поняли, что их небрежность была напускной, хотя иногда они все вели себя искренне, как мальчишки.

Однажды весной этого же года на построении оказалось, что пропали четыре британца. Мы заподозрили, что на самом деле они не убежали, и предупредить местные власти не стали. Вечером мы разыграли небольшой спектакль. Мы пустили пару автоматных очередей в парк перед замком, а потом я и ЛЮ-1 отправились во двор заключенных. Нас немедленно спросили, чем была вызвана стрельба, и мы ответили, что только что пристрелили одного из той якобы сбежавшей четверки. Я внимательно наблюдал за их лицами – при наших словах все они принялись ухмыляться. Чуть позже во внутреннем дворе появилась торжественная процессия. Мне позвонили с гауптвахты и сообщили о том, что там что-то происходит, и я пошел посмотреть. Происходящее оказалось пародией на похоронную процессию. Четверка офицеров несла импровизированный гроб – одежный шкаф, покрытый государственным флагом Соединенного Королевства. За ними следовал священник. На подушке несли медали. Позади в глубоком трауре плелись родственники. Жена, разумеется, была одета в килт.

«Что все это значит?» – спросили мы.

«Мы хороним офицера, которого вы недавно убили».

Мы заглянули в гроб: там лежал один из пропавшей четверки!

На следующем построении появились все. Они прятались на крыше в надежде на побег, хотя в итоге отказались от этой идеи. Но в тот вечер, когда ЛЮ-1 объявил, что в будущем

⁸ Немецкий (фр. пренебр.).

погребения могут происходить только по получении двадцатичетырехчасового уведомления, смеялись последними мы!

Разумеется, если случался побег, на нас незамедлительно сыпались сверху шишки. Пленные это знали. В немецком языке существует поговорка: «Тот, кто внизу, того и бьют». Всякий наш промах был очком в пользу пленных. Однажды во время разговора на территории заключенных у меня украли фуражку. Я послал ординарца за другой. Не мог же я покинуть внутренний двор без головного убора. Смеха было бы предостаточно, что же касается гауптвахты, то что подумают они! Я надел новую фуражку, пересек двор, взглянул вверх и там, рядом с окном, увидел свою фуражку. Я достал ее, но был уверен, что за время ее отсутствия кто-то сделал необходимые замеры и скопировал кокарду.

Водяные бомбы представляли для нас еще один источник раздражения. Их делали из газетных листов, сложенных треуголкой. При падении они разворачивались, и вода окатывала стоящих внизу с головы до пят.

Снежки были неизбежны зимой и довольно безвредны, но однажды мне чудом удалось увернуться от одного такого, очень большого, начиненного осколком бутылочного стекла. К бритвенным лезвиям в помоях для свиней мы почти привыкли. Мы могли бы урезать мясной паек заключенных в качестве мести за уровень смертности наших животных, но предпочли их убедить словами. Как бы далеко они зашли или, возможно, уже зашли, представься им такая возможность, я не могу сказать. Однажды утром в помещении, где хранились посылки, мы нашли мертвого караульного с пробитой головой. В руке он сжимал револьвер, и нам ничего не оставалось, как признать самоубийство. Пленные крали инструменты, одежду, цемент, проволоку, дерево, свинец, гипс, гвозди – короче говоря, все, что только можно было использовать, пусть даже не сейчас, пусть даже предположительно. Если из-за строгостей военного положения эти вещи не удавалось украсть, их выманивали у сторожей или гражданских рабочих, постоянно что-либо ремонтировавших на территории лагеря. Любой кусок металла всегда пригодится. Прочная проволока использовалась для вскрытия простых замков. Когда в ноябре 1940 года из Лауфена в лагерь прибыла одна из первых партий британских заключенных, дверь на чердак над их временными помещениями была открыта в первую же ночь. Судя по всему, незанятые комнаты считались лучшими для работы над туннелями. Тогда мы редко их проверяли.

Однажды в помещении для старших британских офицеров мы нашли мокрую одежду. Замок в душевые был вскрыт. Мы заменили его. Несколько дней спустя мы нашли в замке обломок самодельного ключа. Это было 19 февраля 1941 года.

От тайного к очевидному, от очевидного к первому виновнику. 18 марта наш унтер-офицер, которого я буду называть отныне его английской кличкой Диксон Хоук или его французским именем La Fouine (Хорек), обнаружил двух французских офицеров, лейтенантов Казомайю и Пайа, на дне десятифутовой ямы, которую они вырыли обломком оконной рамы, под башней с часами в северо-западном углу двора. Они даже установили подъемник, чтобы поднимать бульжники внутри башни, а потом избавлялись от него на чердаке. Офицер службы охраны приказал заложить кирпичами двери в эту башню. На каждом из трех этажей, за исключением первого, было по одной такой двери. Мы еще увидим, в какое огромное преимущество превратили наши пленные эту меру «безопасности» почти год спустя.

В тот же месяц ночью два польских офицера были пойманы за пропиливанием решетки на окнах британской столовой в юго-восточном углу двора. Мы заподозрили эту столовую. Мы повесили дополнительный замок на дверь. Мы подняли крышку в полу и исследовали канализацию внизу. Труба была сухая и замурованная; никаких признаков «работы» над ней мы не обнаружили. Мы зацементировали крышку. (Через несколько месяцев выяснилось, что заключенные открыли ее прежде, чем цемент схватился.)

Теперь, когда приближалась весна, мне казалось, словно вверх поднимался воздушный шар.

Глава 3

Первый удавшийся побег

После дневного построения 12 апреля 1941 года выяснилась пропажа французского офицера – первый заключенный ускользнул из Кольдица. Мы проверили лица всех узников лагеря с помощью их удостоверений личности – процедура длинная и сложная. Фотографии на них были по крайней мере годовой давности. Многие офицеры теперь носили бороды, а тогда просто усы. Узнать их было не так-то просто.

Наконец мы добрались до буквы «Л», и оказалось, что пропавшим являлся лейтенант Лере. ЛО-1 подал донесение – даже он не нашелся что сказать веселого о «*Dicke Zigarre*» или «выговоре», который получил от коменданта. В дело вмешалось Generalkommando⁹ Дрездена. Их абверштелле¹⁰ спросили: «Когда убежал пленный, как он выбрался из лагеря, во что он был одет?» Мы не знали. Мы дали лейпцигской полиции описание и сообщили, что, поскольку этот человек – француз, он, скорее всего, отправится на юго-запад. ОКБ в Берлине хотело знать: «Как убежал офицер? Кто был ответственным, был ли он наказан – как? Что мы сделали, чтобы предотвратить подобные побег в будущем?» Мы могли ответить не на все эти вопросы. ЛО-1 был жестоко опозорен.

Мы предположили, что Лере забрался на крышу и спустился по громоотводу по внешней стене здания, не попав в поле зрения караула. Мы обнесли отдельные участки крыши и дымоходов проволокой. Мы увеличили число мощных прожекторов. Но даже это, два года спустя, заключенные обратили себе на пользу.

В последний день апреля мы провели свою ежемесячную вечеринку в столовой. На этот раз нашими гостями стали партийные чиновники, местный мэр и несколько представителей городского совета. Вечеринка затянулась. ЛО-1 был в плохом состоянии. Он понимал, что серьезное дело, побег, повисло на нас.

Повсюду ситуация накалялась. Война смещалась с запада на восток, в Грецию, Крит, а оттуда – в Россию.

Наутро после вечеринки ЛО-1 не появился. Сначала комендант даже не заметил его отсутствия, но он не вышел и к обеду.

А на следующий день грянул гром. Всем было приказано собраться в столовой в 12 часов. Там комендант выложил на полную. «Один заключенный из-за этого побега сделал из всех нас дураков. Теперь дураков делают из себя некоторые из вас. Пленные играют с нами. Мы отвечаем за них и за их содержание в заключении, и все же никто не может сказать когда, где или как этот французский офицер сбежал. Убежавший заключенный – брешь в нашей национальной системе обороны, а также в системе обороны Кольдица, а значит, двойная опасность для всех нас. Относитесь к исполнению своего долга внимательнее. Тогда вам будет что отметить. С этих пор выпивать после полуночи в столовой запрещено. Свет выключается в час».

Мы по-прежнему подозревали британскую столовую. Один из унтер-офицеров сообщил, что однажды ночью, очутившись во дворе, он видел какое-то движение в той стороне. К несчастью, он страдал близорукостью. (Пленные скоро тоже об этом узнали.) Он не был абсолютно уверен в том, что видел и кого видел.

Не смастерили ли себе заключенные ключи к замкам, которые мы запирали каждую ночь? По мере того как шло время, становилось все более и более очевидным, что ни один замок в

⁹ Штаб корпуса (нем.).

¹⁰ *Абверштелле* (Abwehrstelle) – специальные отделы абвера (органа военной разведки и контрразведки фашистской Германии), создававшиеся при штабах военных округов и военно-морских баз (нем.).

Кольдице в действительности не был надежен. Мы продолжали находить людей в предположительно закрытых и запертых комнатах, из которых потихоньку, как мы стали замечать, исчезал мелкий инвентарь. Одежда исчезала с чердаков. Ничто не было в безопасности. Позже мы обнаружили, что главными «взломщиками» были лейтенант Сурманович, лейтенант О'Хара, лейтенант Гиг и голландский офицер капитан ван Доорнинк, – по одному из каждой основной национальной группы.

В то время, а именно весной 1941 года, замок наполовину пустовал. Некоторые этажи были полностью лишены обитателей – то есть постоянных обитателей. Пленные тогда занимали три этажа с каждой из двух сторон внутреннего двора. С третьей, или северной, стороны помещалась часовня с двумя этажами надстроек, в тот год пустующими. На южной стороне разместились здания только в один этаж, позади которых возвышалась стена немецкого внутреннего двора высотой в четыре этажа. В качестве контрмеры мы убрали оттуда решительно все, что могло быть использовано как подсобный материал при побеге (мебель, доски, матрасы и пр.).

Было 8 мая 1941 года. С десяти часов утра ординарцы дюжинами сносили соломенные матрасы вниз со склада на чердаке, складывали на повозку, отвозили в город и там сваливали в кегельбане. С одиннадцати тридцати до часу дня был перерыв на обед. Затем работа возобновилась.

Около двух часов немецкий унтер-офицер, надзирающий за транспортом, пятась назад, споткнулся о матрас, лежащий на земле. Почувствовав что-то твердое, он пнул его ногой и вскрыл. Внутри в гражданской одежде лежал лейтенант Хайд-Томсон. Проинформировали офицера службы охраны, и он приказал *Sonderappell*¹¹. Горнист проиграл наш сигнал сбора, «*Kartoffelsupp*»¹², для немедленного-то построения! Пропал один британский офицер, лейтенант Питер Аллан. Мы немедленно отправились в кегельбан в центр города, где нашли пустой соломенный матрас и открытое окно. Птичка вылетела из клетки.

Несколько дней спустя мы получили телеграмму от полицейского управления в Вене. Они поймали Аллана. Аллан хорошо говорил на немецком языке – до войны он учился в Иене. Как он попал в Вену, мы так никогда не узнали. Очевидно, благодаря хорошему владению языком часть пути он проехал на перекладных, часть прошел пешком. В город он вошел истощенным после примерно десяти дней ходьбы и отправился к американскому консулу. Некоторые члены личного состава в консульстве были немцами. Аллан попросил о встрече с консулом. Но его американский выговор оказался не таким хорошим, как немецкий, и секретарша-немка заподозрила неладное.

Консул оказался в затруднительном положении. Был ли Аллан шпионом? Был ли он действительно американцем?

«Я беглый британский офицер. Я хочу попасть в Будапешт, на нейтральную территорию. Положите пятьдесят марок на стол и сделайте вид, будто ничего не произошло». Консул сделал вид, что ничего не произошло, и сказал: «Боюсь, Соединенные Штаты тоже сохраняют нейтралитет. Мы не можем вам ничем помочь». Аллан дошел до предела – так близко и все же так далеко. «Черт его побери!»

Он вышел и вскоре был схвачен.

В Кольдице побег лейтенанта Аллана привел к жесткому досмотру всех транспортных средств, въезжающих и покидающих территорию внутреннего двора заключенных. Поклажу любой повозки протыкали штыком – предпочтительней французским, особенно длинным. Поскольку большинство солдат нашего ополчения, выполнявшего в замке функции охраны,

¹¹ Особая переключка (нем.).

¹² Kartoffelsupp, Kartoffelsupp, den ganzen Tag, Kartoffelsupp (картофельный суп, картофельный суп, весь день картофельный суп!). (Примеч. авт.)

были вооружены трофейными французскими винтовками, исполнение этого требования не вызвало трудностей, при условии, разумеется, что они должным образом исполняли свою работу.

С фальшивыми ключами, изготавливаемыми заключенными для отмыкания любых замков, даже четырехходовых «Цейсс Икон», мы по-прежнему ничего не могли поделать.

Однажды два британских офицера были пойманы в комнате, которая обычно держалась запертой. Когда мы застукали их внутри, она и была заперта. Капитан Рейд и капитан авиации Уордл были впущены, а затем заперты внутри кем-то третьим. «Что вы здесь делаете?» – «Гимнастику, – мы выбрали это место потому, что здесь тихо!»

Мы снова заперли их и послали за ЛО-1. Когда мы вернулись назад, эти двое уже находились во дворе, а сорванную с петель дверь торжественно носили по кругу под хохот всех присутствующих.

«Мы протестуем, – значилось в переданной нам записке, – против нашего заключения без суда и следствия. Это нарушение немецкого военного дисциплинарного кодекса и, следовательно, Женевской конвенции».

В конце концов, мы заменили дверь и больше ничего не сказали, за исключением, возможно, чисто формального вопроса «Как вы отперли дверь?». В ответ они вручили нам кусок изогнутой проволоки. Это мы видели и раньше: в любом случае подобное служило лишь для отвода глаз. Любой старый кусок проволоки всегда доставали как свидетельство того, как вскрывались замки!

Через несколько дней после происшествия с матрасами произошла попытка побега, оставшаяся тайной по сей день. Два польских офицера отбывали срок в камерах внутреннего двора. В действительности в замке имелось очень мало камер для арестованных – четыре находились в одном углу двора заключенных, близко к воротам. Одна из них выходила на западную террасу, три других – на двор на уровне нижнего этажа, но чуть выше, поскольку к воротам почва уходила под наклоном. Окна были покрашены. Все двери камер выходили в коридор, в конце которого находилась главная дверь, ведущая во двор. Все двери запирались на замки и засовы и днем и ночью. Лейтенант Сурманович находился в одной камере, лейтенант Хмель в другой. Каким-то образом ночью Сурманович выбрался из своей камеры, выпустил Хмеля и открыл дверь во двор. Из польского помещения тремя этажами выше спустили веревку и по очереди подняли их на выступ. Пройдя по выступу бочком к водосточному желобу, они взобрались на крышу гауптвахты, втянули за собой веревку и там, попав через окно на чердак, выбросили из фасадного окна веревку и начали спускаться. Сурманович носил обувь на резиновой подошве, а вот Хмель, к своему несчастью, надел сапоги с гвоздями, царапавшими по стене. Караульный услышал скрежет, и беглецов задержали.

Как следствие данной попытки побега, мы установили часового во внутреннем дворе, дежурившего день и ночь. Эта западная сторона замка, несомненно, являлась соблазном для многих заключенных: спустя два дня была осуществлена еще одна попытка, на этот раз из так называемой арки. Арка находилась между нашим, немецким, внутренним двором и небольшим подъездным двориком под помещением для старших военнопленных офицеров. Этот дворик вел к воротам, прямо рядом с ним располагалась гауптвахта. Заключенные попадали в камеры арки, только если четыре камеры внутреннего двора были уже заняты. Под аркой находилось три камеры, выходивших на внешнюю сторону. Там откос уходил вниз примерно на сорок футов до террасы, где раскинулся сад. Сразу за ним, примерно в пятидесяти ярдах дальше к низине, имелся еще один склон и крутая насыпь позади домов.

Лейтенант Хайд-Томсон отбывал срок за попытку побега «с матрасами» 8 мая. В соседней камере находился польский офицер Юст. Как он попал туда – отдельная история.

Двум польским лейтенантам, Юсту и Беднарски, удалось убедить нашего лагерного врача, не без помощи их собственного человека, что они нуждались в хирургическом лечении.

Он направил их в Кенигсварта рядом с Баутценом. Ночью 5 апреля, дня намеченной операции, оба сбежали. Лейтенант Юст сел на товарный поезд, но вскоре обнаружил, что тот идет не в ту сторону. Он благополучно спрыгнул и сел на поезд, идущий назад в Баутцен. Почувствовав, что его засекли, он спрыгнул во второй раз, но ударился головой о землю и пролежал без сознания всю ночь под дождем. На следующее утро он сдался и вернулся в Кольдиц и камеру в арке по соседству с Хайд-Томсоном. В свое время эти двое открыли двери между своими камерами и в ночь на 13 мая подобрались к окну с веревкой из простынь. Хайд-Томсон держал один конец, Юст спустился, спрыгнул на землю, пересек сад, перелез через проволочную изгородь и исчез в городе. Спустя три дня его поймали в Штюлингене близ Базеля, едущим по железной дороге к швейцарской границе, и отправили в госпиталь в Виллинген, Шварцвальд. Через месяц он снова бежал и был схвачен ночью, плывущим через Рейн ниже Базеля. Он подплыл к заграждению из колючей проволоки в воде и пытался поднырнуть под него. Включилась сирена, зажглись прожектора, – и лодка доставила Юста на берег, а оттуда снова в Кольдиц, еще на три недели заключения в камерах. В качестве меры безопасности мы натянули проволоку под окном камеры, откуда он выбрался в прошлый раз.

Теперь обратимся к судьбе лейтенанта Беднарски, убежавшего вместе с лейтенантом Юстом из Кенигсварта в апреле. Этому повезло намного больше. Он добрался до Кракова, где должен был бы быть в безопасности. Хотя наши люди не могли обнаружить всю подпольную сеть в этом городе, мы смогли выявить часть ее. Итак, гестапо засекло Беднарски и вернуло его нам как военнопленного офицера. Естественно, он вернулся с крайне ценной и разнообразной информацией, послужившей со временем нашим пленным.

Но вернемся к британской столовой в Кольдице, по-прежнему остававшейся объектом наших подозрений. Итак, шел май. Пленные водили нас за нос. Один из часовых сообщил, что ему предложили 700 марок (около 50 фунтов стерлингов) за то, чтобы он закрыл глаза на происходившее однажды ночью, когда он находился на посту номер 9 рядом со столовой. Здесь располагалась еще одна терраса, выступавшая примерно на пятнадцать ярдов от окна; участок часового находился ниже. Земля, как я уже говорил, вокруг всего замка уходила вниз террасами. Верхние террасы тесно примыкали к стенам бараков, что создавало как бы «мертвое пространство» вокруг них: с трех сторон оно не просматривалось часовыми. На террасе над постом номер 9 была маленькая лужайка, ночью освещавшаяся прожекторами.

Семь сотен марок были большой суммой. Каким же образом военнопленным удалось ею завладеть?

Мы провели совещание по безопасности. Деньги, очевидно, пронесли контрабандой. Только потом мы узнали, что они поступали в посылках и их проносили на своих телах новоприбывшие. Британский офицер однажды похвастался мне, что английский «банк» держал в потайном месте более 2000 немецких марок. Мне потребовалось почти четыре года, чтобы найти это сокровище, но в конце концов я его заполучил. Но шел 1941 год: тогда «горячих» денег было мало.

Часовому мы приказали продолжать игру и держать нас в курсе дела. В свое время он получил 100 марок в качестве первой части взятки. Приближался Духов день. Личный состав собирался в увольнительные, и напряжение спадет. Караульного ожидали на дежурстве между девятью и одиннадцатью часами в четверг перед Духовым днем, 29 мая. До восьми часов было светло. За два дня ему сказали: «С этих пор, когда будешь на дежурстве, не поднимай головы». Он передал это нам, и мы сделали соответствующие приготовления.

Столовая. Где-то там они собирались вырваться на свободу, но где? Снизу? Невозможно. Крышка канализации в полу столовой была замурована. Сверху? Только не при свете прожекторов. Может, они устроят короткое замыкание и спустятся вниз в темноте по веревке? Вылезут ли они из столовой через одно из окон? Часового уверили, что после побега не останется сле-

дов, так что его подозревать не станут. Как, *Zum Donnerwetter*¹³, они намеревались выбраться наружу? Мы чувствовали себя очень глупо. Боже, мы зависим от пленных в линии действий!

Все дежурные офицеры и несколько караульных собрались в комнате в здании комендатуры, где наш северо-восточный угол соприкасался с углом столовой двора заключенных. Дверь на травяную террасу снаружи этой проклятой столовой находилась на нашей стороне стыка обоих дворов. Мы тихо отперли ее. Унтер-офицер и десять человек стояли наготове на гауптвахте снаружи ворот пленных, в конце подъездного дворика. По телефонному звонку нашей внутренней связи они бросятся в любую часть замка, которую мы укажем. Мы решили, что прорыв будет осуществлен точно в четверг. В тот вечер мы, должно быть, были взведены не меньше пленных. Мы приняли вечернее построение под жесточайшими указаниями не подавать виду, что что-то знали или подозревали. Все казалось вполне обычным. Все присутствовали. Не были ли они, возможно, более тихими, чем обычно? Построение распустили. Мы покинули двор и заняли свои позиции на опасном месте. Связались с гауптвахтой – те знали приказ. Напряжение среди нас было огромнейшим. Именно в такие мгновения, как эти, горячие головы могли натворить бед.

«Без приказа офицера не стрелять» – «*Ja wohl, Herr Hauptmann*»¹⁴.

Стемнело, зажглись прожектора. Сцена была готова, мы ждали актеров. Караульный номер 9 ходил взад-вперед. Мы не видели его: он находился в мертвом пространстве ниже уровня террасы. Это был сплошной комок нервов, а значит, вероятнее всего, он и начнет стрелять. Мы ждали и смотрели. Но что мы должны были увидеть? На чем сосредоточиться? При каждом звуке мы вздрагивали. Глаза слезились от напряжения. Мы смотрели. Внезапно мы заметили некое движение. Не мотылек ли это порхает перед прожектором, отбрасывая дрожащую тень на лужайку? Теперь мы могли сфокусироваться. Показалась четкая линия – щель. Пучок травы зашевелился и начал приподниматься. Это была крышка люка. ЛЮ-1 сделал знак «Подождите!». Квадратный кусок дерна в деревянной рамке поднимался прямо из земли. Из люка показались ноги, за ними последовали руки и плечи. Наконец перед нашими глазами предстал британский капитан Рейд!

«*Heraus!*»¹⁵ – и мы набросились на него! Один из нас по телефону отдал приказ караулу немедленно занять столовую. Любой, кто сейчас там находится, должен там и остаться.

«*Los!*»¹⁶ В туннеле под столовой мы поймали десять британских и двух польских офицеров, включая старшего британского офицера, полковника Джермана. Все были в гражданской одежде, у всех имелись пропуска. У них нашли 85 марок монетами и 150 унтов веса продовольствия – все продовольствие Красного Креста, большей частью в консервных банках, плюс шоколад и печенье. Что за улов для нас!

Пленные открутили крышку канализации в полу столовой и проложили путь вдоль трубы через боковую стену. Чтобы работать по ночам, им пришлось взломать замки двух дверей, одну – ведущую с их лестницы во двор, вторую – из двора в столовую.

Последовали контрмеры. Мы начали произвольно менять караульных, следя за тем, чтобы одни и те же солдаты не возвращались каждый раз на один и тот же пост. Таким образом, мы поставили себе целью уничтожить любую закономерность в охранных постах, которая могла бы предоставить пленным определенного человека или постоянное расписание какого-либо рода, которые они могли бы использовать.

А караульный? Он оставил себе 100 марок, получил дополнительное увольнение, продвижение по службе и был награжден крестом «За военные заслуги». Игра стоила свеч.

¹³ Черт возьми (*нем.*).

¹⁴ Есть, капитан! (*нем.*)

¹⁵ Букв.: Наружу, вон! (*нем.*)

¹⁶ Давай! Пошел! (*нем.*)

Это был наш первый большой успех, и могли мы им похвастаться исключительно благодаря преданности одного из наших людей.

Глава 4

Стычки и ответные меры

Шел 1941 год, Русская кампания еще не началась. Годом позже я начал сомневаться в стопроцентной надежности нашего караула. К тому времени, а именно к 1942 году, роли начали меняться. Затягивались пояса, падали бомбы, а с ними боевой дух и надежды; знавшие немецкий язык ораторы из числа пленных неустанно распространяли пропаганду среди охраны, и чем теснее мы старались опутать их сетью надсмотра, тем теснее становились контакты с теми, с кем они могли работать. Лейтенант Аллан был занят подобными вещами постоянно, занимались этим и Говард Ги и Джайлз Ромилли, двое штатских, помещенных ОКБ в Кольдиц в 1942 году¹⁷. Ромилли долгое время был единственным подобным узником. Он стал первым из «*Prominente*»¹⁸ или заложников, каковыми они предполагались. Он прибыл в конце 1941 года из гражданского лагеря для интернированных. Как племянник сэра Уинстона Черчилля он оказался ценной добычей. ОКБ решило, что Кольдиц был для него самым безопасным местом. И он, и Ги подали очень плохой пример своим товарищам-интернированным. Многие были англо-германского или англо-французского происхождения. Все имели английские паспорта, но в ряде случаев их симпатии скорее разделялись. Эти двое в разное время бежали из замка Вюльцбург в Баварии и после поимки были переведены в Кольдиц через Силезию, прежде чем зараза успела распространиться. Оба хорошо владели немецким языком.

Через три дня после того, как мы помешали массовому бегству из туннеля в столовой, пропал французский офицер, лейтенант Колен. Как он выбрался на свободу, мы опять-таки не знали, как не знали и в случае с лейтенантом Лере, исчезнувшим в апреле.

Мы заподозрили парк.

В Кольдице послеобеденная прогулка по парку была самым слабым местом во всей нашей системе.

Пленные были замурованы и заперты в своем внутреннем дворе, на всех окнах были поставлены решетки. После попытки побега Сурмановича и Хмеля день и ночь в самом внутреннем дворе дежурил часовой, по всему периметру снаружи здания были расставлены прожектора и караульные и, естественно, ограждения из колючей проволоки семи футов в высоту. И все же наше собственное Верховное командование, несмотря на протесты нашего коменданта, вынуждало нас выпускать людей из этого кольца безопасности каждый день после обеда на два часа, чтобы подышать свежим воздухом и поразмяться, согласно условиям Женевской конвенции. Требовалось почти пятнадцать минут, чтобы спуститься в овраг за замком, на восточной стороне, где мы огородили проволокой пространство примерно 50 ярдов на 200. К нему примыкал чуть меньший, обнесенный оградой и проволокой «загон для овец», как его называли французы. Здесь пленные среди деревьев играли в футбол. По всему периметру загона и второго, большего огороженного пространства во время прогулки мы расставляли часовых. Брали с собой и пару собак. И все же случаи побега, происходившие в течение этих прогулок, заставляли волосы вставать дыбом, своим количеством иллюстрируя (по контрасту)

¹⁷ В Кольдице я был дважды. В первый раз я попал туда в 1940 г. в качестве ординарца группы британских офицеров, сбежавших по вырытому ими туннелю из лагеря в Лауфене близ Зальцбурга. В то время меня классифицировали как рядового пленного: вместе с другими англичанами меня схватили в Осло. Немцы не поверили, что мы возвращались из Финляндии, где служили добровольцами в Финской международной бригаде. Они решили, что мы были английскими военными в гражданской одежде, поджидающими английского вторжения в Норвегию, которое они только что опередили. Последовали жаркие дебаты по поводу заслуживаемой нами участи. Кольдиц я покинул в начале 1941 г., когда выяснилось, что я штатский, после чего я провел год в лагерях для интернированных, вернувшись в Кольдиц в 1942-м (теперь как штатский со статусом офицера) с досе беглеца и смутьяна. Я оставался в замке до конца. (*Примеч. ред.*)

¹⁸ Видная личность, видный деятель (*нем.*).

первый принцип, согласно которому пленные должны любой ценой оставаться статичными. Второй принцип, к несчастью, гласил, что они должны всегда находиться в движении (тогда они не успеют проложить туннели и потеряют все свои склады материала и денег). Временной промежуток между применением этих противоречащих друг другу принципов является жизненно важным фактором. К сожалению, в Кольдице данный парадокс так никогда и не был разрешен. Мы держали пленных статичными в их внутреннем дворе, изредка переводя их на другой этаж или другую сторону двора, и тем не менее каждый день выпускали их из этой встроенной тюрьмы под конвоем, и снова и снова кто-нибудь срывался с поводка и убегал.

Подготовка к прогулке была такова: если находилось тридцать офицеров (данное количество было минимальным), мы выпускали их из их внутреннего двора и строили в подъездном дворике между гауптвахтой и аркой. Их пересчитывали и полученную цифру записывали в книгу. Караульные становились с каждой стороны процессии, с одного конца шел наш унтер-офицер, с другого – офицер, иногда с собакой в придачу. Направо, быстрым шагом, под арку, затем чуть левее через немецкий двор. Направо, из ворот нашего двора на дорогу, потом налево, с дороги в 150 ярдах, прямо по крутой тропинке вниз, к потоку на дне маленького оврага, прямо, через мост в огороженное проволокой пространство и «стой!». Между дорогой наверху и потоком 50 футов ниже тропинка проходила вблизи нескольких зданий. На этой тропинке было двое ворот, одни – в самом начале спуска, в ограждении с левой стороны дороги, а вторые – чуть ниже, в конце линии зданий. В паре мест часовые пропадали из виду.

Колонна заключенных всегда тащилась и шлепала. Кто-то шел быстро, кто-то медленно. Никто не шел в ногу. Складывалось впечатление, будто раньше никто никогда не маршировал вообще!

В маленьком загоне в одном конце основного огороженного пространства внизу в парке находилась открытая беседка. Дальний конец этого загона ограничивала стена вокруг парка, примерно 10 футов высотой. Она спускалась по склону лощины, перебиралась через поток, 40 ярдов бежала в низине, а затем поднималась по другому склону.

По прибытии в парк все останавливались. Проводился второй подсчет. Затем караульные занимали свои позиции за проволочным ограждением вокруг всей огороженной области, на тридцатиярдовом расстоянии друг от друга, и пленные получали свободу в рамках шестифутового ограждения из колючей проволоки. Внутри, на расстоянии примерно ярда от ограждения и фута или около того от земли была натянута сигнальная проволока. Переступить за нее или подходить к основному ограждению запрещалось под угрозой расстрела.

Примерно через час свисток собирал всех вместе. Счет проводился в третий раз. Подходили караульные, и процессия маршировала или тащилась назад в замок. Тем временем собаки обнюхивали огороженные пространства на случай фальсификации при пересчете. Наверху перед воротами во двор проводился четвертый пересчет, и, если все было правильно, пленных снова впускали назад в их клетку.

А была ли эта адская прогулка необходима?

Женевская конвенция предписывает свежий воздух каждый день. Что ж, можно было бы сказать, что у пленных имелся свежий воздух в их внутреннем дворе, который был примерно 45 на 35 ярдов по величине. Насколько он должен быть свеж? В конвенции насчет этого пункта ничего не сказано. Не говорит конвенция и о том, сколько ярдов для физических упражнений полагается на человека. В ней ничего не говорится о траве или деревьях, как указал наш комендант протестующим старшим офицерам, когда ему удалось прекратить прогулки. Конвенция ничего не говорит и о том, что должно светить солнце, – в ней просто говорится: «Военнопленным должен быть обеспечен свежий воздух». А потому мы согласились, что пленные получали сверх положенной им меры – то есть льготы, когда, в ту первую зиму, мы разрешали им спускаться в парк для разминки. Когда же происходили неурядицы, мы отменяли эту льготу в качестве наказания. Пленные пожаловались: а) они потеряли доступ к свежему воздуху; б) их

коллективно наказывали. И то и другое – нарушение конвенции. Держава – протектор англичан, то есть швейцарское государство, довела это до сведения нашего Верховного командования. В ответ наш комендант заявил, что, поскольку на прогулку подчас было трудно завлечь даже 20 процентов заключенных, а обычно хотели погулять лишь 5 процентов, данное «право» казалось не особенно востребованным. Офицеры умоляли своих друзей составить необходимое количество. Но ОКБ сочло, что прогулка являлась правом, которое должно сохраниться, и не была льготой. Мы потеряли очко и очутились перед проблемой, за два часа ежедневно поглощавшей столько же нашего внимания, включая в лучшем случае 40 процентов пленных, что и весь лагерь из 600 человек за сутки.

Я описал процедуру прогулки по парку так, как мы сформулировали ее для наших подопечных, но эти дьяволы распорядились иначе. Сбор перед спуском вниз иногда походил на толпу, бредущую на экскурсию в Шварцвальд. Они сочились из двора через ворота один за другим, они возвращались назад, чтобы пригласить товарища к ним присоединиться. Прежде чем ворота закрывались, всегда происходила штурмовщина. Гомон голосов, говоривших одновременно на разных языках, напоминал попугайное чириканье. Разнообразие униформ и повседневной формы одежды сбивало с толку – одни шли в шортах играть в футбол, другие бегать, третьи покачаться на любезно предоставленном нами турнике. Некоторые шли тихонько почитать в уголке, некоторые «походить», некоторые поговорить, некоторые поспать, некоторые смотреть в оба, некоторые посадить семена в небольшую клумбу, некоторые «посадить» туда же небольшие емкости с контрабандой. Все были одеты кто во что горазд – от униформы до повседневного тряпья.

У каждого была своя цель, столь же индивидуальная, как и его одежда, и все же все признавали, что разделяли общие интересы, а именно разозлить нас всеми возможными способами, увеличивая тем самым ту возможность побега, которую представляли эти прогулки.

Итак, первая стадия: сбор, вывод желающих погулять в парке из внутреннего двора. Затем вторая стадия: построение в пять рядов для подсчета после прохождения гауптвахты.

Никто никогда не торопился. Люди стояли и мирно болтали между собой. «По пятеро, господа!» – заорал наш унтер-офицер. Никто не двинулся. «Вызовите караул».

Постепенно пленные построились: «Сомкнуть ряды здесь», «Равняйся в затылок там», – а потом подсчет. Кто-то шевелился, кто-то шаркал, кто-то уронил футбольный мяч, кто-то так увлекся книгой, что оторвать его от этого занятия было возможно лишь окриком. Иногда требовался пересчет, потом еще. Наконец итоговая цифра записывалась, и они уходили нестройным маршем, длинной вереницей огибая углы, играя в балду, толкаясь, показывая пальцем, крича идущим позади, крича идущим впереди, спотыкаясь, все время производя то или иное движение. И та же картина была и по дороге назад.

Мы понимали, что под шумок всего этого организованного беспорядка двум французским лейтенантам, должно быть, каким-то образом удалось бежать. Некоторое подтверждение этому, как мы думали, мы получили 18 июня, когда из психиатрической больницы в Чадрассе нам позвонил человек и сообщил, что видел мужчину в Tiergarten¹⁹ – верхней части долины, в которой раскинулся парк, за главной стеной, ограничивавшей дальний конец загона. Мы провели немедленное построение и, к своему ужасу, снова обнаружили пропавшего французского офицера, лейтенанта Одри. Мы выслали поисковый отряд и грузовик к мосту в Гросс-Сермуте. Они нагнали беглеца по пути. Очевидно, он использовал прогулку как средство к побегу. Мы расспрашивали его, но он не пожелал говорить.

Через неделю в течение прогулки была предпринята еще одна очень искусная попытка побега. Подготовка к ней, должно быть, велась многие недели. Колонна брела к парку, набухла то у той двери, то у этой. У ворот с дороги на тропинку вниз по крутому склону она

¹⁹ Зоологический сад, зверинец, питомник (нем.).

на мгновение закружилась в водовороте, пропуская какую-то женщину. Довольно странно, но мужчины у ворот, так долго находившиеся в плену, не обратили на нее особого внимания. Она уже шла назад по дороге вдоль проходящего строя, когда чьи-то острые глаза заметили, что она обронила часы прямо у ворот. Вместо того чтобы тихонько их прикарманить, что было бы соответственно и обыкновенно, пленные повели себя как рыцари.

«Эй, фрейлейн, ваши часы!» Женщина не слышала. Унтер-офицер увидел, что произошло, и послал солдата вслед за женщиной с ее часами...

Не повезло – маскировка лейтенанта Буле была хорошей. Но, несмотря на женскую одежду, его узнали. Если бы не сломанный браслет часов, ему бы удалось скрыться.

Меры безопасности – в будущем дежурный офицер должен был лично пересчитывать заключенных для прогулки при выходе из ворот со двора. Шинели должны быть расстегнуты. Позволялось брать с собой только одно одеяло. Все подсчеты в течение прогулки должны были проводиться одновременно унтер-офицером и дежурным офицером, одним – возглавлявшим, а другим замыкающим шеренги.

Наступило 20 июля. Наконец-то, думали мы, мы нашли брешь, которую француз сделал в наших укреплениях. Стоило сойти с дороги и пройти эти маленькие воротца с левой стороны, ведущие к парку, как почва очень круто уходила вниз. Там находился дом: его первый этаж располагался на уровне дороги, а подвал на уровне тропинки внизу, по которой процессия спускалась по склону. Дом был построен на склоне и возвышался над ним. Отвлекая караул с внутренней стороны тропинки (или со стороны дома) – петлянием ли, разговором или диверсией – и таким образом заставляя его отвернуться от дома, можно было на несколько секунд создать мертвую зону. В эти несколько мгновений один человек или даже двое могли юркнуть за угол или выступ и нырнуть в укрытие за стеной, если, разумеется, на дороге наверху никто в этот момент не следил за толпой, спускающейся или поднимающейся по крутой тропинке.

Однажды днем в середине июня, когда процессия вернулась с прогулки, оказалось, что двоих не хватает. Начался скандал. Гауптвахта требовала возврата того же количества человек, которое ее покинуло согласно записи в книге. Офицер службы охраны приказал специальное построение для каждого.

Два офицера исчезли. Мы снова, шаг за шагом, проделали весь путь в парк и обратно. С собой мы взяли собак. Тем временем наши телефонные линии работали вовсю. Мы передали всем полицейским участкам в радиусе 3 миль кодовое слово «мышеловка», что означало бегство пленного. В Лейпциге, в 15 милях отсюда, имелись дубликаты фотографий и номера всех наших пленных. Мы просто сказали, кто пропал, и дали краткое описание. Мы обзвонили местных лесников и железнодорожные станции, послали поисковые группы на велосипедах и пешком, чтобы прочесать лес, наблюдать за развилками дорог и просмотреть открытое пространство. Но на пути назад из парка мы вдруг вспомнили о бомбоубежище в подвале того дома у дороги, выходящего на петляющую тропинку. Мы толкнули дверь. Она оказалась не заперта. Двое пропавших пленных сидели внутри: капитан Эллиот и Ладос.

Их посадили в камеры на двадцать один день: Ладоса в камеру под аркой между двумя дворами – ту, чьи окна выходили на боковые стены этого здания, а не прямо на город. После бегства лейтенанта Юста на это окно мы поставили решетки. Каким-то образом он раздобыл ножовку, подпилит прутья и однажды ночью спустился по простыне, насколько хватило ее длины, и упал на землю в 20 футах внизу. Его бегства никто не заметил, и он совершил удивительный подвиг – достиг швейцарской границы, несмотря на ужасную боль в сломанной лодыжке. Через неделю его поймали и вернули назад.

Из-за безрассудной, но тем не менее просчитанной смелости успешный побег французского лейтенанта кавалерии Пьера Мэресса-Лебрана не будет, я думаю, превзойден никогда. Лебран убежал дважды, прежде чем прибыл в Кольдиц, и каждый раз его ловили близ швейцарской границы.

В начале июня 1941 года, вечером 9-го числа, чтобы быть точным, нам позвонили со станции Гроссботен, расположенной в нескольких милях от замка, и спросили, не пропал ли кто. Нет. А что? «У нас здесь под охраной человек. Возможно, один из ваших военнопленных. Он только что попросил билет в Лейпциг и предложил нам за него устаревшие деньги – старую голубую купюру в сто марок. Он не может быть немцем».

В то время у нас еще была машина и горючее. Мы привезли этого человека в Кольдиц; им оказался лейтенант Мэресс-Лебран. Он был одет в моднейшую гражданскую одежду, да еще и с моноклем. Но мы не знали, как он выбрался на свободу, а он, естественно, отказался нам это сообщить. Ясно, из лагеря был выход, и заключенные использовали его редко, но наверняка. Кроме того, казалось, будто право прохода имели только одни французы. Когда, десять дней спустя, мы поймали этих двух офицеров, Эллиота и Ладоса в бомбоубежище, мы решили, что заделали брешь. Возможно, теперь мы могли посвятить немного времени изучению карт нашего нового фронта – русского, открывшегося только что.

Мэресс-Лебран получил двадцать один день ареста в камере – обычное наказание в таких случаях. Мы называли это *Stubenarrest*²⁰ – немецкое военное наказание для офицеров. Пленных офицеров мы не могли «заточать» под *Stubenarrest*: в своих помещениях, которые они делили с дюжинами других узников, они и без того сидели взаперти, так что мы предоставляли им собственные «апартаменты», коими являлись, при данных обстоятельствах, камеры.

Те, кто находился под арестом, получали свои обычные немецкие пайки, но ничего дополнительного, как, например, продукты Красного Креста. Как и остальным, им полагалось два часа физических упражнений ежедневно, которые в то время проводились в парке под конвоем в маленьком огороженном пространстве с беседкой. В одном его конце вниз и вверх по склонам лощины шла поперечная стена, за ней раскинулся олений питомник – так называемый потому, что три сотни лет назад герцоги Саксонии разводили там оленей для стола. Намного удобнее держать их под рукой, чем тратить весь день на поиски дичи. Это огороженное пространство французы называли «загоном для овец» – *pare a moutons*.

Однажды, 2 июля, Мэресс-Лебран и несколько других арестованных играли там в чехарду. Караульные, стоя на склонах лощины, возвышающихся над маленьким огороженным пространством, скучали и считали минуты до того момента, когда они должны будут отправиться в обратный путь к гауптвахте. Все было мирно в то теплое летнее утро.

Лебран и его товарищ прыгали вдоль ограждения, отходящего от поперечной стены. С другой стороны ограждения склон круто уходил вверх и был довольно лесист. Двое караульных на этой стороне стояли в двадцати ярдах вверх по склону на тропинке, идущей параллельно, но намного выше этой стороны загона. Два французских офицера остановились перевести дух. Лебран отошел на несколько шагов от ограждения, а его друг встал к нему спиной. Заграждение составляло примерно восемь футов в высоту и представляло собой вид частого кола. Внезапно Лебран побежал. Второй офицер сложил ладони вместе в замок и на уровне бедра подобно ступеньке. Лебран поставил на нее ногу, как в стремя, оттолкнулся и перепрыгнул через забор. Все мгновенно проснулись. Часовые вскинули винтовки и начали стрелять. Лебран бежал вправо в метровой зоне у подножия горы и благополучно перебрался через парковую стену. Он был в перчатках: они помогли ему преодолеть колючую проволоку. Одетый только в шорты и фуфайку, он скрылся в питомнике. Караульные стреляли напрасно.

Унтер-офицер немедленно отвел пленных назад к гауптвахте и подал донесение. Лучше уж ему было перелезть стену и самому отправиться в погоню. Мы подняли на ноги все местное население, полицию, ополчение, гитлерюгенд и всех имевшихся у нас собак. Собаки потеряли след у потока в оленьем парке, но, поскольку до темноты оставалось еще несколько часов,

²⁰ Домашний арест (нем.).

мы решили, что сможем поймать беглеца за это время. Очевидно, Лебран нашел убежище в кукурузном поле; в любом случае нам не удалось его отыскать.

В камере он оставил свой вещевой мешок – связанный и адресованный ему во Франции с запиской: «*Au cas je réussirai je serai reconnaissant que l'on me fasse parvenir mes affaires à l'adresse suivante – Lieut Pierre Mairess-Lebrun – Orange (Vaucluse). Que Dieu m'aide!*»²¹ Через несколько недель он написал нам из своего дома в тогда не оккупированной Франции, и мы отослали его ему.

И снова, только после того как лошадь ускакала, мы предприняли запоздалые шаги. Мы установили в ограде парка дверь, чтобы наши люди при необходимости могли быстро и беспрепятственно проходить через нее. Мы увеличили высоту ограждения вокруг загона двумя футами колючей проволоки. Те, кто находился под арестом, в будущем должны были упражняться по утрам и днем, и не в парке, а на террасе вдоль западной стороны замка позади гауптвахты, с надзирающим за ними караульным с каждого конца этой террасы. Позже побег, по способу Лебрана, был испробован даже оттуда.

Как специальный лагерь или, скорее, лагерь специалистов, мы могли получить разрешение от ОКБ на любой необходимый нам материал. И все же к лету 1941 года мы не только не удосужились вкопать микрофоны в качестве предупредительной меры против рытья туннелей, но и не установили какую-либо иную электрическую систему предупреждения там, где наши здания примыкали к баракам. Все, что дало нам ОКБ, – то есть все, что мы сочли стоящим попросить, – было четыре ищейки и их хозяева и один старый, уволенный на пенсию комиссар уголовной полиции. Последнего англичане сразу прозвали Тигром. Они утверждали, будто он сам признавался в том, что сражался с Наполеоном. Говорили даже, что, когда они спросили его, с каким именно Наполеоном, Наполеоном III в 1870 году или Наполеоном Великим, он ответил, что так стар, что не помнит! Собаки нашли одного или двух беглецов в парке, но я не думаю, чтобы Тигр вообще когда-нибудь кого-нибудь поймал. В конце концов, мы сделали его ответственным за камеры, и пленные часто подходили к нему и спрашивали: «Насколько полны камеры? Когда будет одна пустая для меня? И не проследите ли вы, чтобы мне досталась камера, выходящая на террасу?» (Такая была только одна – над западной террасой.) И Тигр помогал.

Каждый месяц мы проводили большой обыск на том или ином этаже замка. К несчастью, пленники не могли не заметить наших приготовлений или узнавали об этом заранее через своих «агентов».

За все пять лет в Кольдице для нас не нашлось ни одного постоянного доносчика, но дважды мы получали сведения от оказавшихся нам полезных информаторов, о которых я расскажу позже. Один пленный, прибыв в лагерь, добровольно согласился доносить, но в течение двадцати четырех часов после его прибытия собственная «контрразведка» заключенных разузнала о его пронемецких взглядах из его прошлого досье, и по совету заинтересованного старшего офицера нам пришлось его удалить. Нам он не принес никакой пользы.

Наши два немецких унтер-офицера, Муссолини и Диксон Хоук, Хорек, знали о происходящем в лагере столько же, сколько и остальные, и наверняка знали практически всех заключенных в лицо. Но они были слишком заняты рутинными делами, чтобы излишне размышлять над своими подозрениями.

Но на этот раз мы придумали один ловкий ход – Rollkommando²², или «пожарная команда», или «полицейский отряд». Он состоял из унтер-офицера и шести солдат, некоторые из них время от времени просто врывались во двор и бросались вверх по той или иной

²¹ Если мне все удастся, я буду благодарен, если вы вышлете мне мои вещи по следующему адресу – лейтенант Пьер Мэресс-Лебран, Оранж (Воклюз). Да поможет мне Бог! (фр.)

²² Букв.: полицейский отряд на автомашине (нем.).

лестнице, когда наобум, когда заметив что-то подозрительное. В тот миг, когда «полицейский отряд» появился в воротах, все присутствующие во дворе издавали предупреждающий крик, прекращавший всякую тайную деятельность. Все время, пока «полицейский отряд» громыхал вверх по винтовой лестнице в углу двора, его сопровождали крики французов, поляков или британцев, в зависимости от того, чьи помещения они в данный момент штурмовали. Однако, к их чести будет сказано, они тем не менее имели некоторый успех.

Голландцы встречали их прибытие тише, а потому однажды лишились большого количества материала – система оповещения подвела. Основная деятельность, такая как рытье туннелей, в Кольдице никогда не имела успеха, хотя за пять лет мы обнаружили более двадцати подкопов.

Переодевания пользовались удивительным успехом, несмотря на наши старания их пресечь. Успех подражания зависит от бдительности первого встреченного тобой врага и уменьшается пропорционально удалению от центра.

Мы могли принять, и в итоге приняли, механические меры против рытья туннелей, но переодевания требовали более совершенного человеческого фактора, чем имелся в нашем распоряжении на всем протяжении войны.

Каждую неделю из ОКБ мы получали бюллетень под названием «Дас абверблатт», повествующий о методах побега в разных лагерях. Жаль, что наши собственные отчеты появлялись в нем так часто! Это было увлекательным чтивом. Пленные, казалось, считали лучшим обратить на себя внимание нормальным образом, чем стараться быть намеренно неприметными и нервничать. Один человек проделал весь путь до Швейцарии, переодетый в трубочиста. Я слышал, что другой беглый пленный всю свою дорогу к свободе толкал перед собой тачку.

Чтобы показать детальность, с которой пленные планировали различные свои махинации, достаточно будет сказать, что в течение одного из обысков мы нашли записную книжку, содержащую подробности новых вариаций в наших сменах часовых, введенные после эпизода с туннелем в столовой, а также время включения прожекторов и личные сведения о наших офицерах и унтер-офицерах, вплоть до внешнего вида и степени веселости по воскресным утрам нашего ЛО-1. Не многое же они упустили!

Весь остаток июля, после побега Мэресса-Лебрана, в лагере было спокойно, и мы решили осуществить перекраску в помещении французов. К работе приступили три маляра; повсюду их сопровождал часовой для предупреждения того, что вполне могло стать двусторонним оборотом контрабанды.

Однажды вечером в конце дня к воротам подошли двое из них и попросили их пропустить. На вопрос, где был их товарищ и часовой, они ответили: «*Kommt gleich*»²³ – и направились через подъездной дворик к арке. Солдат у ворот был больше обеспокоен пропавшим маляром и часовым, но унтер-офицер на гауптвахте был настороже и прокричал двум рабочим, уже почти дошедшим до арки, чтобы они сдали свои медные жетоны. Поскольку они, казалось, не слышали его криков, он приказал солдату догнать их. У них не оказалось медных кружков вообще: это были двое заключенных (а вовсе не маляры) в первоклассном «малярном» наряде. Только они не знали, что отныне все штатские и часовые, заходящие во двор заключенных, должны были иметь при себе медный кружок, жетон с отштампованным на нем номером. Его выдавали перед входом во двор пленных, имя и номер получателя записывались в книгу на гауптвахте и проверялись на выходе. На этот побег и закончился.

После этой попытки в качестве дополнительной предупредительной меры все гражданские лица, работающие в лагере, должны были носить желтую нарукавную повязку с отпечатанной на ней свастикой. После окончания работы повязки, вместе с номерными жетонами, сдавались назад. День или два спустя два голландца, на этот раз переодетые в немецких солдат,

²³ Он идет (нем.).

попытались выйти из ворот. И снова – никаких контрольных номеров. Зато пленные, наконец, поняли, что не только гражданские лица, но и военнослужащие должны были иметь при себе такие жетоны. А это, разумеется, означало, что их должны иметь и пленные!

Покраска в помещениях пленных продолжалась, и вскоре один из маляров, престарелый человек, сообщил о потере кружка, номер 26. Мы предупредили всех унтер-офицеров на воротах, чтобы они смотрели в оба.

Через две недели, в самом начале августа, произошло следующее: все часовые разом покинули двор после занятия мест на лестницах, как обычно, в течение вечернего построения. У одних были винтовки, у других нет. Прожектора освещали стены, а не сами ворота. Желющие попасть назад к гауптвахте устроили свалку. Унтер-офицер на воротах лишь мельком смотрел на вручаемые ему номерные жетоны. Один младший унтер-офицер сдал свой жетон и, сказав: «У меня сообщение коменданту от дежурного офицера!», резко свернул налево к арке, а не направо, к гауптвахте, как все остальные. Разводящий унтер-офицер несколько мгновений смотрел ему вслед, не вполне уверенный в том, что узнает его лицо, а потом перевел взгляд на лежавший у него на ладони жетон. Номер 26! Он крикнул. Номер 26 не остановился. Несколько караульных начали кричать, и номер 26 пошел еще быстрее. Наконец, раздался резкий, короткий окрик часового под аркой: «Стой или буду стрелять!», и он остановился. Номер 26 оказался британским лейтенантом Эйри Нивом.

Мы тщательно его обыскали, тщательней, чем обычно, и обнаружили спрятанный под одеждой целлофановый контейнер, в котором обычно продавали заключенным зубные щетки. Он был набит деньгами.

На следующий день ЛО-1 превзошел себя. «Ефрейтор Нив, – объявил он, – назначен на русский фронт». Последовал взрыв смеха. Лейтенант Нив выглядел очень печальным. Шесть месяцев спустя стало ясно, что это он «смеялся последним». Но на данный момент хозяевами положения были мы.

И снова в конюшню. Отныне все беглецы и новоприбывшие при входе во двор должны были проходить личный досмотр, вплоть до заглядывания в рот. Все военнослужащие должны иметь при себе напечатанный пропуск, с печатью и подписью адъютанта. Его следовало показывать всем часовым. Прекрасное правило на бумаге, но какой новоприбывший пятидесяти-пятилетний дед захочет показаться занудой, требуя пропуска у капитанов, майоров и полковников? Сам комендант не был включен в это правило: часовые не были обязаны требовать от него пропуск. Но это правило никогда не соблюдалось на все 100 процентов.

Кроме того, мы расширили систему одновременного подсчета во всю длину шеренг, до сих пор использовавшуюся только для проверки похода на построения в самом дворе. Эти построения, или переклички, каковыми они фактически являлись, происходили дважды, а позже четырежды в день. Каждая национальная группа строилась отдельно в пять рядов, и наш дежурный офицер сам производил подсчет, медленно идя вдоль переднего ряда, считая шеренги. Скоро мы поймали французов с их методом подделывания счета – «перебежками». Когда кто-то сбегал, они оставляли пустую шеренгу ближе к левому краю третьего ряда. Офицеры во втором и четвертом рядах были, как правило, выше, чем те, кто стоял в третьем ряду. Как только шеренга была подсчитана, человек за три или четыре шеренги с правого края в третьем ряду быстро и незаметно перебежал к пустой шеренге в дальнем или левом конце, оказываясь там до наших людей, которые, естественно, не торопились. Этот трюк успешно использовался и британцами. Офицер-летчик Доминик Брюс был их главным актером: он был невысокого роста и очень энергичный.

Голландцы закрывали бреши в своих рядах особенно оригинальным способом. Я уже говорил, что их строевая дисциплина, а также их общее поведение были примерными. На построении они стояли неподвижно. Настолько неподвижно, что казались манекенами. А

потому они и сделали двух манекенов, по имени Макс и Мориц, которые тоже при необходимости принимали участие в построении, заполняя собой дыры.

28 июля 1941 года был обнаружен новый путь на волю. Как и всегда, точка соприкосновения, или стык, как мы ее еще называем, является слабым местом в любом месте или каркасе. В одной части двора заключенных здание выросло в четыре этажа с двумя чердачными этажами наверху. Здесь располагались старшие офицеры, наверху находился театр, а внизу бани. Вниз через все здание шла вентиляционная шахта примерно в двадцать квадратных футов. Пленные имели доступ к театру на верхнем этаже, а значит, и к вершине вентиляционной шахты. Окна в эту шахту на других этажах были замурованы.

Первый этаж, у нижней части шахты, занимали кухни немцев. Шахта доходила до выложенного кафелем пола. Одна дверь вела в наши кухни и наш внутренний двор. Две другие – в холодильную камеру и большую кладовую. Тщательное наблюдение из окон вентиляционной шахты на уровне театра подсказало пленным, что в определенные часы частые визиты немецким кухонным персоналом из кухни в то или иное помещение из этих двух прекращалось вообще. Наверняка в это время кухни пусты. Обычно это бывало после подачи пищи и уборки кухни.

В упомянутый день два французских офицера пропилили декоративные металлические конструкции на окнах на уровне театра и по сорокафутовой веревке спустились на нижний этаж. Они были одеты в гражданскую одежду, с желтыми нарукавными повязками, как требовалось. Когда эти двое покинули кухню и направились к воротам в парк, в немецком дворе находилось несколько человек. У ворот стоял караульный, но на его посту контрольного списка пропусков внутрь и вовне не было. Кроме того, никаких медных кружков здесь тоже не требовалось. Через так называемые ворота в парк всегда много входили и выходили: помещения для женатых располагались как раз чуть дальше по дороге.

В ответ на стук часовой открыл ворота, увидел двух рабочих с повязками и, удовлетворившись этим, пропустил их. Но среди людей в немецком дворе оказался человек, отвечавший за белье во всем замке. Он стоял в дверях своего склада. Пленные офицеры не имели права на отдельные простыни; вместо этого им полагались спальные мешки из синего с белым клетчатого материала, размером примерно шесть на три фута. Использовались сотни таких мешков, не только официально как простыни и одеяла, но и неофициально как сумки для уборки мусора в туннелях, как веревки, как материал для маскировки (из них шили женские платья). Глава «прачечной» лениво размышлял, кто эти двое. Он знал всех приходивших и уходивших среди рабочих; они были его товарищами из города. Он снова неспешно спросил себя, кто они. В конце концов, после доброго часа размышлений, когда его работа уже закончилась, он по-прежнему мучился вопросом, кто были эти двое. В итоге он отправился к офицеру службы охраны. Офицер службы охраны понятия о происшествии не имел, и мы пустили по следу собак. Они шли так быстро, что наши люди вполне могли угнаться за ними на велосипедах. Беглецов настигли примерно в шести милях от замка, рядом с Лайснигом. Но кто же они были, в конце-то концов? Лейтенанты Тибо и Перрен.

В последний день июля мы расстроили второй массовый побег. Он должен был произойти из британских помещений над столовой, из их так называемой «длинной комнаты».

Это было настоящей игрой в кошки-мышки – больше, чем при другой британской попытке массового бегства через туннель в столовой. В том случае мы не догадывались о месте выхода на поверхность до тех пор, пока туннель не был прорыт до конца. На этот раз мы знали, где они собирались выбраться, и организовали соответствующий приемный комитет.

Помещения караула в комендатуре располагались в северо-восточном углу нашего двора в дальнем конце коридора на втором этаже. В самом конце находились наши уборные. Стена за уборными являлась стеной британской «длинной комнаты». Однажды ночью, пока караул находился при исполнении, пленные начали подкоп. Они предположили, что наши помещения

пусты, но здесь располагался наш телефонный коммутатор, и телефонист находился на дежурстве день и ночь. Вечером он вышел в уборную и услышал шум и царапанье в стене. Оно то прекращалось, то возобновлялось. Позвали охрану. Офицер службы охраны пришел вместе с дежурным офицером, и они принялись слушать. Кто-то усердно работал там за стеной, на уровне второй уборной. Пока было решено ничего не предпринимать.

«Пусть копают. У них будет дело, и они будут счастливы, – сказал ЛО-1. – И продолжайте нормально использовать уборные».

На следующий день полицейский отряд следил за шумами; они раздавались с короткими интервалами весь день и всю ночь. Стена была не больше восемнадцати дюймов в толщину. Попытка побега вот-вот произойдет. Пленные, должно быть, понимали, что не могли надеяться долго скрывать рабочий выход подкопа.

Мы сочли, что прорыв произойдет на выходные во время приема пищи. Наши офицеры тогда будут находиться в их столовой, караул – на дежурстве или на обеде. Здания комендатуры окажутся практически пустыми. Несомненно, они собирались пробраться в это здание, но как они собирались из него выбраться?

Попасть внутрь через уборную было только первым шагом. Каким-то образом им надо незаметно выбраться из комендатуры. Возможно, они полагали, что смогут выбраться из одного из наших окон без решеток с восточной стороны нашей части замка.

В любом случае мышка опять получит возможность уйти не дальше, чем позволит ей кошка. Мы тоже засели за работу: пробурили отверстие в двери спальных комнат караула, чтобы постоянно следить за дверью из уборных. Саму дверь мы оставили закрытой. Два дня полицейский отряд слушал и наблюдал. Наконец был замечен маленький глазок, проделанный в задней стене уборной на нашей стороне. Всем на боевые посты! Это было воскресенье.

Прибыл Тигр с шестью солдатами плюс дежурный офицер ЛО-1. В свое время из уборной вышла первая пара беглецов. Они двинулись вперед.

Мы распахнули нашу дверь – «сюда, джентльмены, милости просим!».

Ошеломленные, они последовали за нами вовнутрь, от изумления даже не подав знака остальным.

Теперь настал наш черед посмеяться. Унтер-офицер, отвечающий за помещение, в котором хранились посылки, и известный французам как *Beaux Max*²⁴, а англичанам как *Nichtwahr*²⁵, предложил раздеть этих двух первых беглецов и послать двух наших людей в парк в их одежде. Сказано – сделано (британский католический священник Платт в своем дневнике, попадавшем к нам время от времени для цензуры, описал наслаждение, с которым его товарищи наблюдали очевидный успех предприятия).

«Смелость – вот и все!» – «*l'audace – toujours l'audace!*»

С пятиминутными интервалами на «свободу» выбрались не менее пяти пар. Потом последовало долгое ожидание. Тигр, взволнованный неминуемой атакой на свои камеры, получил разрешение пойти и заглянуть в уборную – и игра кончилась. Мы позвонили на гауптвахту, полицейский отряд, промчавшись по двору, ворвался в британскую длинную комнату. Там уже все были в униформах – оставшиеся неудачники-беглецы быстро переоделись. Одна из печей была набита гражданской одеждой, а улов пропусков, денег и продуктов, найденных у пойманных нами десяти, производил сильнейшее впечатление. Ими оказались лейтенанты Эллиот, Аллен, Читхем (RNAS²⁶

²⁴ Красавчик Макс (фр.).

²⁵ Не правда ли? (нем.)

²⁶ Служба морской авиации Великобритании (англ.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.